

всесторонняя история в романах

Виталий ГЛАДКИЙ

САГАРИС

Всемирная история в романах

Виталий Гладкий

Сагарис. Путь к трону

«ВЕЧЕ»

2018

Гладкий В. Д.

Сагарис. Путь к трону / В. Д. Гладкий — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-7785-0

Древний Рим славился разнообразными зрелищами. «Хлеба и зрелищ!» — таков лозунг римских граждан, как плебеев, так и аристократов, а одним из главных развлечений стали схватки гладиаторов. Смерть была возведена в ранг высокого искусства; кровь, щедро орошавшая арену, служила острой приправой для тусклой обыденности. Именно на этой арене дева-воительница по имени Сагарис, выросшая в причерноморской степи и оказавшаяся в плену, вынуждена была сражаться наравне с мужчинами-гладиаторами. В сложной судьбе Сагарис тесно переплелись бои с римскими legionерами, рабство, восстание рабов, предательство, интриги, коварство и, наконец, любовь. Эту книгу дополняет другой роман Виталия Гладкого – «Путь к трону», где судьба главного героя, скифа по имени Савмак, тоже связана с ареной, но не гладиаторской, а с ареной ипподрома. Необыкновенное искусство наездника, невзначай проявленное на ипподроме в столице Боспорского царства, заставит судьбу Савмака круто измениться.

ISBN 978-5-4484-7785-0

© Гладкий В. Д., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Об авторе	6
Сагарис	8
Часть I. Амазонки	8
Глава 1. Милость Язаты	8
Глава 2. Громовые горы	14
Глава 3. Ама	21
Глава 4. Легат Мёзии	26
Глава 5. Западня	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Виталий Дмитриевич Гладкий Сагарис

Виталий Дмитриевич Гладкий

Об авторе

Виталий Дмитриевич Гладкий родился 26 апреля 1947 года в селе Ярошовка на Сумщине (Украина) в казачьей семье. Он прямой потомок последнего кошевого атамана Задунайской сечи и наказного атамана Азовского казачества Йосипа Гладкого. Отец, Дмитрий Николаевич, прошел Великую Отечественную войну от ее начала и до Победы. Ранения и перенесенные им тяготы военного времени не дали ему прожить долгий век. Он умер в 1955 году, на тридцать восьмом году жизни, оставив на руках жены, Екатерины Григорьевны, восьмилетнего сына и двухмесячную дочь.

Война вообще оставила на семье В. Гладкого глубокие, кровоточащие зарубки. И не только Вторая мировая, но и Первая, 1914 года. Перед самой революцией в разведывательном поиске погиб прадед, grenader-пластун, георгиевский кавалер. А в 1945 году погиб дед по материнской линии.

К труду Виталий Дмитриевич приобщился рано. Сначала пас общественное стадо, затем – колхозных лошадей, а в двенадцать лет уже работал наравне со взрослыми: косил сено, возил зерно телегами на ток, строил дом и даже был помощником комбайнера.

Учился в основном на «отлично». По окончании восьми классов (1961) поступил в Глинский индустриальный техникум, который окончил спустя пять лет с дипломом техника-горняка. Затем поступил на вечернее отделение Донецкого политехнического института. Защитив диплом, ушел в армию. Служил авиационным техником в Красноярском крае.

Отслужив, вернулся в Донецк. В 1973—1978 годах трудился на заводах Донбасса, пока не уехал на Колыму. Кто был на Крайнем Севере, тот никогда не забудет этот период своей жизни. Суровая природа не любит изнеженных обывателей. А Виталий Дмитриевич к таким и не принадлежал, поэтому прижился на Колыме легко и безболезненно. Работал газосварщиком на заводе по ремонту бульдозеров в городе Сусумане, штукатуром-маляром, плотником, бетонщиком, трудился в старательской артели, работал художником-оформителем и охотником-промысловиком. Строил мосты, промышленял белку и горностаю, оформлял интерьеры ресторанов и кафе, мыл золото... Пробыл он в районах Крайнего Севера восемь с половиной лет.

Свою писательскую деятельность начал на Колыме в 1979 году. Первый его рассказ назывался «Колымская быль». Он был напечатан в районной газете «Горняк Севера». Позже, уже по приезде домой, в московском издательстве «Молодая гвардия» был издан сборник рассказов В. Гладкого о Крайнем Севере под названием «Жестокая охота». Большей частью это автобиографические повествования о его приключениях в колымской тайге, пропущенные через жернова писательского восприятия.

В 1980 году в областной газете «Магаданский комсомолец» выходит первая повесть Виталия Дмитриевича под названием «Оборотни», через год там же публикуется повесть «По следу змеи», потом в течение последующих двух лет выходят в свет повести «Плацдарм», «Золотая паутина», роман «Архивных сведений не имеется». Все эти вещи печатались в периодике, в журналах «Искатель», «Советская милиция», в «Воениздат» (серия «Сокол»), в различных сборниках и в дальнем зарубежье. В своих произведениях Виталий Дмитриевич часто описывает единоборства и прочие штуки подобного рода. И это вовсе не случайно. Спорт в юности был частью его жизни. Он занимался боксом, вольной борьбой, каратэ, был хорошим стрелком. Острый, динамичный сюжет и тщательно выписанные характеры героев – главная отличительная черта романов В. Гладкого.

По возвращении из районов Крайнего Севера долгое время возглавлял издательство «Отечество». Виталий Дмитриевич основал всеукраинскую литературную премию имени М. Старицкого за лучший исторический роман. Он и сам лауреат премии имени В. Короленко.

Издано свыше пятидесяти романов В. Гладкого, общий тираж которых вышел за пределы 8 миллионов.

Виталия Дмитриевича всегда привлекала историческая тематика. Он является автором трех энциклопедических словарей: «Древний мир» (1997), «Славянский мир» (2001) и «Словарь нумизмата» (2006). Кроме того, им написано девятнадцать исторических и историко-приключенческих романов. И первым из них был «Меч Вайу», роман о скифах, над которым, как ни удивительно, он начал работать в семнадцать лет.

У Виталия Дмитриевича трое детей – сын и две дочери.

Избранная библиография В.Д. Гладкого:

- «По следу змеи» (1988)
- «Меч Вайу» (1997)
- «Басилевс» (1997)
- «Тайна розенкрейцеров» (2004)
- «Ушкуйники» (2012)
- «Ассасины» (2012)
- «Тень Торквемады» (2012)
- «Ученик алхимика» (2017)
- «Повелители волков» (2015)
- «Хорт – сын викинга» (2017)
- «Маркитант Его Величества» (2017)

Сагарис

Часть I. Амазонки

Глава 1. Милость Язаты

Удивительное зрелище открывается ранней осенью перед путником, нечаянно забредшим в Дикую степь неподалеку от Меотиды¹. Высокие травы – в пояс человеку, а то и почти по плечи – издали кажутся огромным многокрасочным персидским ковром, достойным служить скатертью на пиру богов. Рыжевато-красные, песочно-желтые и коричневые бархатные латки иссушенной летним зноем травы перемежаются золотыми вставками еще не опавшей листвы (деревья большей частью растут по ярам и буеракам), шелковые полосы серебристого ковыля расшиты зелеными рисунками, – на берегах ручьев и небольших речушек, где много живой влаги, кустарники и небольшие деревца долго сохраняют летний наряд – а на редких возвышенностях, как кувшины с добрым вином, торчат каменные бабы.

Кто их там поставил, когда и с какой целью, знают только небожители. Изваяния веками наблюдали за людьми, которые жили в этих диких местах, и, судя по суровому выражению их лиц, каменные бабы вовсе не в восторге от того, что происходит на белом свете.

Впрочем, последние сто лет им и наблюдать было не за кем. Скифы и меоты, прежние насельники Дикой степи, ушли в Таврику² под нажимом сарматских орд, которые тоже не задержались долго, и огромная территория оказалась опустевшей. Поэтому никакой путник в здравом уме и по своей воле не мог здесь оказаться и оценить потрясающие красоты первозданной природы было некому. Но, конечно же, Дикая степь вовсе не напоминала бесплодную пустыню. Ее наполняли птичьи и звериные голоса – шорохи, писки, лисье потягиванье, орлиный клекот, крики чаек, волчий вой, а иногда и могучий рык хищного зверя, скорее всего, льва. Львов, реликтов ушедших эпох, было совсем немного, но от этого менее опасными они не стали. Почти вся степная живность пряталась в высокой траве, самом надежном убежище, и только дозорные сусликов столбиками стояли на кучках земли, зорко оглядывая окрестности и наблюдая за небом, откуда в любой момент могли свалиться на колонию шустрых зверьков коршун или выпь.

Неожиданно благостное спокойствие Дикой степи было нарушено ржаньем и топотом копыт. Лошадиный табун отыскал небольшую мелководную речку и подошел к ней на водопой. Место было весьма удобным. Широкая залысина каменистой земли, на которой лишь кое-где, кустиками, росла трава, не позволяла хищникам незаметно подобраться к лошадям, а копыта не вязли в отложениях ила, на который был богат противоположный берег.

Лошади не похожи были на диких; скорее всего, они находились на свободном выпасе. Тем не менее их повадки совсем не походили на поведение одомашненных животных. Оказавшись на клочке свободной от высокой травы земли, молодые жеребцы тут же занялись выяснением отношений. Они схлестнулись не на шутку, и дикий визг, перемежающийся злобным ржаньем, разнесся далеко вокруг. Это сильно не понравилось вожаку табуна, огромному гнедому коню, и он вмешался в схватку, бесцеремонно разогнав разошедшихся не на шутку жеребчиков. Шум мог привлечь внимание львов, и если от волчьей стаи табун мог отбиться, исполь-

---

¹ Меотида – Мать Понта (*греч.*); Азовское море.

² Таврика – Крым.

зую свои острые копыта, то нападение царя зверей почти всегда заканчивалось для лошадей трагически.

Животные были просто великолепны; они совсем не походили на мелкорослых скифских лошадок, на которых большей частью ездили немногочисленные обитатели Дикой степи. Они явно были восточных кровей. Горделивая стать, по-лебединому изогнутые шеи, стройные ноги и благородные масти – гнедая, караковая, буланая и вороная – подчеркивали их отличие от серых, чубарых и пегих местных лошадей. По скорости бега они превосходили скифских лошадок, и уступали им только в выносливости. Мохнатые степные коньки могли скакать с раннего утра и до позднего вечера практически без усталости, чего нельзя было сказать о полукровках из табуна.

Чуть поодаль к водопою подошли и тарпаны³. Пугливо поглядывая на своих ближайших родственников, они долго осторожничают, прежде чем войти в воду. Табун всегда ревниво охранял свои границы, но сегодня грозный вороной жеребец был настроен благодушно и выразил свое недовольство лишь гневным фырканием.

Обычно тарпаны старались держаться поближе к табуну, который был для них хорошей защитой от хищников. А когда ближе к весне оголодавшие волчьи стаи начинали нападать на лошадей, жеребцы тарпанов принимали самое деятельное участие в защите двух табунов от изрядно отощавшего зверья. Их помощь была неоценима. Копыта тарпанов были не менее опасны, чем у сородичей, а своими острыми зубами они наносили страшные раны. Увернуться от нападения тарпана для любого волка было непросто; дикие лошади обладали потрясающей реакцией и быстротой движений...

И все же опасность оказалась близка. Рассыпавшись цепью по степи, табун окружали всадники. Головы их лошадей были замотаны тряпками, чтобы они не могли нарушить тишину ржаньем, а мягкая травяная подстилка скрадывала поступь коней, которые по статьям не уступали животным из табуна.

Посторонний наблюдатель изрядно удивился бы, присмотревшись к всадникам. Все они были женщинами! Притом хорошо вооруженными. Каждая из наездниц держала в руках небольшое копьё – скорее, дротик – в горитах⁴ покоились лук и стрелы, некоторые имели сагарисы⁵ – топоры, удобные в ближнем бою, и все имели легкие, но прочные щиты в виде полумесяца, закинута за спину.

Наконец вожак табуна, который так и не подошел к воде, а стоял чуть в сторонке, настороженно прядая ушами, почувствовал опасность. Высокая трава все еще скрывала всадников, но чуткий слух не подвел жеребца. Издав короткое ржанье, он поскакал вдоль берега в направлении синюющих вдалеке гор. Теперь всадникам скрываться не было смысла. Сорвав тряпки с морд своих лошадей, чтобы животные могли свободно дышать, они помчались вслед табуну, оглашая степь криками и свистом.

Погоня, казавшаяся глупым, бесперспективным занятием (преследуемые лошади мчались с такой же скоростью, как и всадницы), тем не менее вскоре стала приобретать смысл – табун не просто пытались догнать и окружить, а гнали в нужном направлении. Вскоре показалась высокая изгородь, и полудиким лошадям, зажатым с трех сторон преследователями, ничего иного не осталось, как броситься искать спасение в единственном месте – через широко распахнутые ворота, за которыми виднелась манящая свободой степь.

---

³ Тарпаны – вымерший предок современной лошади. Были тарпаны степные и лесные. Еще в XVIII—XIX веках еще были широко распространены в степях ряда стран Европы, южной и юго-восточной Европейской части России.

⁴ Горит – деревянный футляр для лука и стрел.

⁵ Сагарис – двусторонний боевой топор, скифский по происхождению. У сагариса была длинная тонкая ручка и вытянутое лезвие с тяжелым обухом изогнутой или заостренной формы. Был способен пробить металлический шлем или броню. Своим видом и применением сагарис напоминал средневековый топорик-чекан.

Однако опытный вожак табуна на этот раз сильно просчитался. Прочная изгородь окружала обширное пространство, в котором и оказались полудикие лошади. Взбешенный вороной конь встал на дыбы и ударил копытами о толстые жерди изгороди, но они не поддались, лишь загудели в ответ.

Тогда лошади помчались по кругу, пытаясь найти брешь в загородке. Но все было тщетно. У закрытых ворот толпились всадники, оживленно обсуждая свой «улов», а их кони приветствовали попавших в западню мирным ржаньем, которое немного успокоило табун.

– Зария! – возвысила голос старшая из всадниц, которая явно пользовалась наибольшим авторитетом среди своих товарок. – Лети птицей в стан и тащи сюда наших малышей. Пришла их пора выбрать себе коней.

– Слушаюсь и повинуюсь, о мудрая Тавас!

Зария умчалась, а оставшиеся женщины (скорее, девушки; все они были молоды, за исключением Тавас, и сильны) начали приготовление к жертвоприношению одной из своих главных богинь – Язате, которая покровительствовала воительницам и коням. Быстро соорудив импровизированный жертвенник из камней, благо их в этой местности хватало, лихие наездницы разожгли на вершине небольшой пирамидки костер, бросили в него несколько жмень ячменя и три лепешки, плеснули немного перебродившего кобыльего молока и, встав кругом, завели древнюю, как сам мир, песнь, подняв головы к безоблачному небу.

Табун приостановил свой бег; казалось, что лошади прислушиваются к заунывному многоголосому пению, в особенности кобылицы. Только вороной жеребец продолжал неистовствовать, время от времени пробуя на прочность жерди изгороди. Его бесило то, что он, со всем своим большим опытом вожака табуна, угодил в такую незамысловатую ловушку.

Покончив с обязательным ритуалом, девушки начали полдничать. Их еда была простой и грубой: изрядно зачерствевшие лепешки, иппака – сыр из кобыльего молока, и хмельной молочный напиток, который бодрил и придавал сил.

Но вот послышались возбужденные голоса, и к ним присоединилась Зария, которая привела с собой около десятка девочек лет двенадцати. Конечно, они не пришли пешком – стан наездниц находился далековато от загона. Но их небольшие скифские лошадки не шли ни в какое сравнение с конями старших. Тем не менее девочки управлялись с ними лихо, что предполагало немалый опыт обращения с животными.

– Начнем! – решительно провозгласила Тавас. – Сейчас вы будете выбирать себе своего лучшего друга, – обратилась она к девочкам, сбившимся в плотную кучку. – Не ошибитесь! От него будет зависеть ваша жизнь, и если чей-то выбор окажется неправильным, Язата отвернется от неудачницы и конь подведет ее в самый неподходящий момент. Присмотритесь к лошадям повнимательней. Они уже знают, что им предстоит. И тоже выбирают. Симпатия должна быть обоюдной.

Девочки рассыпались, как горох, вдоль изгороди и, оживленно обмениваясь мнениями, начали наблюдать за табуном. Только одна из них, черноволосая, статная не по возрасту смуглянка, упрямо закусив губу, осталась стоять на месте.

– Сагарис! – недовольно окликнула ее Тавас. – Тебя что, мое распоряжение не касается?

– Я уже давно выбрала себе лошадь, о мудрая.

– Ну и где же твой будущий друг?

– Вон там, – указала Сагарис. – Буланный жеребец.

Конь был потрясающе мощным и красивым. Его желтый окрас отливал золотом, а косматая черная грива превосходно гармонировала с пышным черным хвостом и такого же цвета «чулками» на стройных ногах. Легкая, сухая голова жеребца, большие выпуклые глаза и длинные чуткие уши предполагали незаурядные скоростные качества.

Он явно метил занять место вожака табуна, потому что постоянно вставал на пути вороного, но тот будто не замечал притязаний буланого, обходил его стороной. Похоже, им уже доводилось драться, и вожаку явно не понравились мощь и натиск соперника.

– Даже так... – Тавас в удивлении покачала головой. – В прошлом году на этого буланого положила глаз Пасу, да вот только не смогла с ним совладать. Хорошо, что хоть шею себе не свернула...

Пасу была подружкой Сагарис. Ей уже минуло тринадцать лет, и она готовилась принять посвящение в воительницы. Пасу была девочкой крупной, но чересчур мирной. Даже ее имя говорило о том, что подружке Сагарис, скорее всего, уготовано место воспитательницы подрастающего поколения, ведь оружием она при всем том владела превосходно.

Свои имена девочки получали, когда им исполнялось полтора года от роду. До этого их звали просто «дочь такой-то». Церемония наречения именем была весьма занимательным зрелищем, на которое сбегалось посмотреть почти все племя воительниц. Даже мужчины, отцы девочек, имели возможность понаблюдать за увлекательным действием, но издали. Они жили отдельно, занимаясь разными хозяйственными работами. Им не доверяли никакого оружия, за исключением нужного в обиходе ножа, а также лука – когда предстояла большая облавная охота.

С утра на обширном лугу были разложены всевозможные предметы, большей частью разное оружие и охотничьи трофеи. Девочек, которые только-только начали ходить, запускали в это сборище интереснейших для малюток вещей, и каждая из них выбирала себе то, что приглянулось. Но Пасу оружие и разные безделушки не заинтересовали. Она напрямик направилась к небольшой отаре овец, которую пригнали мужчины, чтобы устроить пир по случаю наречения их дочерей именами. Девочка обняла одну из ярок за шею и начала ей что-то нашептывать – будто у нее в этот момент прорезался дар речи, хотя она могла издавать лишь некоторые более-менее осмысленные звуки.

– Пасу! – недовольно покривившись, провозгласила Томирис, царица племени и по совместительству главная жрица, которая была судьей на столь важной церемонии.

Так подружка Сагарис получила свое имя – Овца, которое впоследствии попортило ей немало крови. Пасу постоянно была объектом насмешек. Правда, до некоторого времени. Когда она подросла, то стала давать сдачи. А поскольку силушки ей было не занимать, охотчих позубоскалить над Пасу-Овцой становилось все меньше и меньше, тем более что дралась она, несмотря на свой мирный характер, отчаянно.

Имена у девочек были самыми разными – в зависимости от собственного выбора. Мрга (Птица) – выбрала недавно подстреленного стрепета; Сакаи (Олениха) соблазнилась большими оленьими рогами (ее выбор был потрясающе точен; она и впрямь бегала быстрее всех); компанию ей составляла Такаи (Быстрая), которая положила глаз на тщательно полированные лошадиные бабки, предназначенные для игры в кости.

Как получила свое имя предводительница расмы (отряда) Тавас оставалось загадкой. Она и впрямь была Сильной, но каким образом малышка возрастом в один год смогла показать свою силу, оставалось загадкой. Что касается Сагарис, то ее имя произошло от боевого топора. Она даже приплясывала от нетерпения, стоя в группе девочек, приготовленных к наречению. Сверкающее лезвие топора манило, тянуло ее к себе со страшной силой. Крепенькая девочка, дочь одной из младших жриц, не замечала ничего иного; сагарис буквально околдовал ее. И едва малышек пригласили к разложенным на лугу вещам, она бросилась вперед, бесцеремонно сшибая и расталкивая своих крохотных соплеменниц; некоторые из них все еще ходили неважно, в отличие от Сагарис.

С того момента она не расставалась с боевым топором. Поначалу просто играла с ним, как с куклой, и брала в постель, а когда подросла, то начала прилежно упражняться в бое на топорах. К двенадцати годам редко кто из взрослых воительниц мог соперничать с ней во

владении этим оружием. Сагарис обладала потрясающей реакцией и была быстра, как белка. За ее перемещениями трудно было уследить.

– Ну что же, – сказала Тавас, глядя на Сагарис с легким удивлением, – начинай первой. Иначе жеребец может чересчур возбудиться, и тогда с ним может справиться разве что сама Язата.

Сагарис сурово сдвинула густые черные брови, села на своего скифского конька, и девушки, помощницы Тавас, распахнули ворота.

Буланый словно почувствовал, что его вольной жизни пришел конец. Он грозно фыркнул и рванул прочь от Сагарис. Но девочка была настырной. Управляя своим коньком одними коленями, она быстро догнала жеребца и, раскрутив над головой прочный аркан, сплетенный из конских волос, ловко набросила петлю на его лебединую шею. Конь рванулся, встал на дыбы, а затем, вместо того чтобы продолжить сражаться с удавкой, бросился на Сагарис.

Чем хороши были степные скифские кони, так это тем, что они легко поддавались обучению. Иногда казалось, что неказистые с виду лошадки могут читать мысли человека. Конек, повинаясь легкому нажатию колен девочки, легко уклонился от нападения буланого, и Сагарис резко потянула на себя свободный конец аркана. Петля сжала шею жеребца еще сильнее, и он начал задыхаться.

Девочка была безжалостной. Ее мать-жрица говорила: «Чтобы конь стал твоим и только твоим, сначала подчини его своей воле. Для этого все средства хороши. Но если дашь слабину, пожалеешь коня, то после он в любой момент может преподнести тебе неприятный сюрприз. Даже если ты потом заласкаешь его. Хороший конь любит сильного наездника. Слабого он презирает, не ставит ни во что».

Наконец полузадохшийся жеребец сдался и упал на колени. Казалось, что еще немного – и он отправится в конюшню богини Язаты. Тавас даже забеспокоилась, глядя на схватку Сагарис с конем. Лишиться такого великолепного производителя по глупости несмышленной девочки было бы преступлением. Но Сагарис хорошо знала меру своих усилий. Быстро соскочив с конька, она подошла к буланому и жестко взнуздала его; нужно было поторопиться, пока жеребец пребывал на грани жизни и смерти. А затем преспокойно вывела его за ворота, подогнала седло и остальную сбрую и, взяв нагайку, мигом взлетела на спину буланого.

Уставший от борьбы конь поначалу слабо среагировал на такую вольность своей юной хозяйки, но затем он все понял, встрепнулся и рванул с места в дикий галоп. Чего только ни делал жеребец, чтобы сбросить наездницу! И становился на дыбы, и брыкался, и пытался упасть на землю на всем скаку, но за каждый свой трюк он получал сильный удар нагайкой, от чего бесился все больше и больше.

А девочке все было нипочем. Она ощущала упоение от безумной скачки. Уцепившись в пышную гриву жеребца, Сагарис, казалось, летела под облаками, так быстро скакал буланый. Постепенно конь начал понимать, что его наказывают поделом; когда он просто скакал по степи, девочка гладила его шею и шептывала разные нежные слова. Но едва он принимался за старое, как боевая нагайка-треххвостка со свинцовыми наконечниками, начинала больно жалить...

Когда Сагарис возвратилась к загону, буланого было не узнать. Он был весь в мыле, а в его выпуклых фиолетовых глазах светилась покорность хозяйке. Но самое удивительное – жеребец слушался поводыев так, будто находился под седлом длительное время!

– Невероятно! – Тавас искренне удивилась. – Мы уже намеревались искать тебя, Сагарис. Думали, что буланый вышиб из тебя дух. А оно вон как обернулось... Что ж, конь твой. Береги его больше своей жизни, ведь буланый – это дар Язаты. Не разочаровывай ее.

Изрядно уставшая девочка лишь сумрачно кивнула в ответ...

Жеребец и впрямь оказался подарком судьбы. Он был необычайно умен и поддавался обучению не хуже, чем скифские лошадки. Буланый оказался быстрее всех лошадей племени,

даже коня, на котором ездила сама Томирис. Девочка побаивалась, что буланого у нее отберут, но царица строго блюла древний обычай. Дар Язаты – это святое. К тому же Томирис имела еще десяток лошадей – заводных, которые сопровождали ее в походах. И все они были просто великолепны...

Близилась зима. Она обещалась быть снежной – так определили опытные гадалщицы – и кочевавшее по Дикой степи племя женщин-воительниц начало собираться в дальний путь к своему стойбищу, которое находилось в горах. Этот момент был самым трудным для мужчин, которым предстояло снять шатры и нагрузить на повозки весь скarb. А еще на них лежала обязанность собрать все полудикие лошадиные табуны и овечьи отары, принадлежащие племени, а также охранять и сопровождать их до самого стойбища, где в глубоких долинах, прикрытых от злых северных ветров высокими горными хребтами, даже зимой сохранялась сочная зеленая трава.

Караван воительниц растянулся на огромное расстояние. Охранные отряды не знали покоя ни днем, ни ночью. Волчьи стаи таились в буераках и лесных зарослях, и редко какой день обходился без схватки с кровожадными хищниками. В предчувствии близкой зимы с ее снежными заносами и сильными морозами, от которых степная живность пряталась в укромных местах, и добыть ее было очень сложно, волки старались набить брюхо с осени, чтобы поднакопить запас жирку к холодам. А какая добыча может быть более легкой и желанной, нежели медленно передвигающиеся по равнине отары овец?

Сагарис на своем коне (он получил имя Атар – огонь) трудилась вместе со всеми. Она была неутомима. Как и ее конь. В восхищении от своего друга, – Атар, казалось, читал ее мысли – она готова была не покидать седло сутки напролет. Эйфория не покидала ее с того памятного дня, когда она впервые оседлала жеребца и птицей полетела по степи.

Несколько раз Сагарис пришлось сражаться с волками, и Атар, возвращенный на воле, оказался для хищников оружием не менее страшным, нежели боевой топор девочки. Своими копытами он ломал хребты серым разбойникам, дробил им черепа, при этом совсем не выказывая страха, что для домашней лошади было бы в диковинку.

Но однажды и Атар дрогнул. Все случилось тогда, когда родные горы были уже совсем близко. Охраняя лошадиный табун, Сагарис неожиданно услышала жалобное конское ржанье. Оно доносилось из глубокого обширного яра. Не медля ни мгновения, Сагарис повернула коня в ту сторону, и тут Атар вдруг заупрямился. Он ни в какую не хотел спускаться по откосу, который был весьма крут. Тогда разозленная Сагарис хлестнула его нагайкой, отчего Атар вздрогнул и встал на дыбы. Но, укрощенный крепкими руками девочки, он неохотно все же повиновался ее воле.

В яру разыгрывалась трагедия, коих немало случалось в кочевой жизни племени. По его плоскому дну, поросшему кустиками жесткой травы, метался жеребенок, а его неторопливо окружала небольшая львиная стая – две взрослые львицы, львенок и лев, при виде которого Атар жалобно всхрапнул. Жеребенок был породистый и очень быстрый, поэтому львы никак не могли его поймать.

Маленький конек все время уворачивался и носился как угорелый. Но силы его были на исходе. Выбраться из яра он не мог, так как понимал, что на крутом откосе он станет легкой добычей. А остальные пути перекрывали опытные львицы. В охоте не принимал участие лишь царь зверей. Он стоял на небольшой возвышенности, и по тому, как нервно хлестал себя хвостом по бокам, было понятно, что лев в любой момент готов подключиться к охоте на жеребенка.

Львы в Дикой степи были большой редкостью. Ближе к горам водились барсы, но они старательно избегали встреч с людьми. Реликт древней эпохи, лев давно перестал быть объектом охоты, хотя и был желанной добычей. Трон Томирис покрывала огромная львиная шкура, но ее привезли в дар царице воительниц греки.

Сагарис раздумывала недолго. Ей было жалко жеребенка, да и охотничий азарт превозмог все опасения. Ведь лев – грозный хищник, и схватка с ним могла обернуться бедой. Миг – и в ее руках оказался небольшой тугой лук. Хищники, увлеченные охотой, почуяли опасность лишь тогда, когда в воздухе запели жалающие стрелы.

Девочка стреляла превосходно, как и все юные воительницы, которых приучали к оружию с детства. Поэтому первая же стрела угодила льву под левую лопатку. Царь зверей издал громоподобный рык и совершил прыжок, которому могла позавидовать любая кошка. Он обернулся к Сагарис и ринулся на нее с такой яростью, что бедное сердечко девочки затрепетало, как птичка в силках. Похоже, острое жало стрелы не достало до сердца льва.

Собрав остатки мужества, она тщательно прицелилась и, когда лев оказался на расстоянии прыжка, Сагарис отпустила тетиву. У нее был единственный шанс выйти победительницей из схватки, и она им воспользовалась. Стрела вонзилась точно в глаз царю зверей, и лев, уже приготовившийся к решающему броску, покатился по земле, пытаясь вырвать лапами острое жало. Но это был его последний порыв. Некоторое время крупное тело хищника сотрясали конвульсии, а затем он затих, издав предсмертный рык. Львицы, занятые преследованием жеребенка, не сразу поняли, что случилось. А когда до них дошло, что их повелитель мертв, они бросились бежать, спасая львенка. Это было для них главным.

Атар дрожал, как в лихорадке. Сагарис начала оглаживать его шею, нашептывая самые нежные слова. Если бы испуганный конь при виде разъяренного зверя дрогнул и бросился бежать, лев настиг бы его, и дальнейшие события угадать было несложно. Но он стойко выдержал нелегкое испытание.

Когда Сагарис присоединилась к охранной расме, которую возглавляла Тавас, с львиной шкурой на крупе коня, воительницы ахнули.

– Боги к тебе явно благоволят, – довольно сухо сказала Тавас. – Велика милость Язаты...

И она отъехала в сторонку, уступив место другим девушкам, которые принялись рассматривать шкуру убитого зверя и расхваливать девочку на все лады. Тавас снедала зависть. Добыть столь ценный охотничий трофей было ее мечтой, а тут какая-то малышка оказалась удачливее лучших охотниц племени!

Солнце вышло из-за горизонта, и воительницы продолжили свой путь. Еще немного – и появится ущелье, которое вело к родному стойбищу. Уже были видны дымы на сторожевых вышках, которые сообщали тем, кто остался охранять очаги, о приближении большого отряда. Стража на вышках наблюдала лишь клубы пыли, которые поднимали отары овец и лошади, и пока терялась в догадках, кто бы это мог быть. Воительницы всегда были настороже и не хотели, чтобы их захватили врасплох.

Глава 2. Громовые горы

Зима выдалась морозной, затяжной. Даже в вечнозеленых горных долинах пастбища покрылись снегом, и животным приходилось трудно. Если рогатый скот и скифские лошади могли добывать себе корм тебеневкой, разгребая снег, то более прихотливых породистых скакунов приходилось кормить сеном, запасы которого были невелики. Сено в основном предназначалось для овец и коз, а лошади получали его только во время буранов и гололедицы.

В начале весны пастбищами служили возвышенные места, где быстро пробивалась новая трава. Когда спадала вешняя вода, скот сначала перегоняли на выпас в долины, а затем в Дикую степь. Во время весенней тебеневки строго соблюдался определенный порядок: впереди шли волы, которые срывали более высокие травы, скусывая их верхушки, за ними лошади, срывающие травы ближе к корню, и, наконец, овцы и козы, которые выбивали своими острыми копытцами все пастбище.

Зимняя тебеневка была почти сплошным голоданием. Большую часть времени животные находились под открытым небом, и только на ночь их загоняли в просторную пещеру. Что касается скифских лошадок, то стойла для них не требовались. Их мохнатую шкуру не мог одолеть никакой мороз. Они преспокойно отдыхали, зарывшись в сугроб. Остальных лошадей воительницы держали в тех же пещерах, в которых жили сами. Горный массив, где находилось поселение, был словно весь изрыт норами (если смотреть издали), и казался пристанищем колонии сурков. Если в Дикой степи воительницы держались вместе, кучно, то в Громовых горах (так называлось место, где находилось поселение) каждая из них старалась найти себе отдельную пещеру и обустраивала ее с истинным женским прилежанием и выдумкой.

Особенно красивым и просторным было тронное помещение царицы Томирис. Его стены украшали заморские ковры, пол устилали звериные шкуры, а деревянный резной трон с позолотой укрывала великолепная львиная шкура. Сразу за ним блистала золотой и серебряной вышивкой занавесь из дорогой восточной парчи, которая скрывала спальню Томирис. Она была обставлена в соответствии с греческой модой – различные шкафчики, пуфики, диванчики и просторное ложе, прикрытое одеялом из барсучьих шкур.

В пещерах уже к осени становилось немного сыровато, а зимой и вовсе холодно. Открытый очаг, обложенный диким камнем, давал слишком мало тепла, чтобы хорошо обогреться. Да и с дровами было худо. Мужчины, исполнявшие роль слуг, днями искали в горах топливо, что в зимний период представляло собой большую проблему. Они ютились в плохо приспособленных для жилья пещерах, которые спасали от ветров, но только не от холода. Поэтому мужчины кутались в плохо выделанные овечьи шкуры, издающие неприятный запах, и в своем варварском одеянии издали напоминали горных духов, блуждающих среди скал.

У Сагарис тоже была своя пещера. Раньше она жила вместе с Пасу, но когда у нее появился Атар, она подыскала себе отдельное жилище, благо глубоких нор в горном хребте хватало на всех.

Поначалу пещера ей не приглянулась. Она была совсем крохотной и непригодной для жилья, тем более – для содержания коня. Но затем Сагарис заметила, что в ее дальнем конце зияет дыра, которая при ближайшем рассмотрении оказалась входом в другую пещеру, более просторную. И самое главное – в ней находилось углубление в виде чаши, заполненное кристально чистой водой, которое выдолбили в каменном полу веками падающие сверху капли.

Теперь Сагарис имела свой личный источник, поэтому не нужно было каждый день по несколько раз спускаться по обледеневшим камням к ручью, который находился далеко внизу, чтобы принести в кожаном ведре воду для Атара. Она позвала мужчин, и они расширили дыру с таким расчетом, чтобы в пещеру можно было завести коня, а также соорудили для Атара стойло и кормушку и убрали камни, усеявшие пол. Сагарис застелила дно пещеры речным рогозом, и его пряный запах приятно щекотал ноздри, навевая в долгие зимние вечера мысли о теплом благодатном лете.

При свете факела пещера казалась ей сказочным дворцом. Ее свод подпирали белые известняковые столбы, усеянные сверкающими кристалликами минералов, образованных натечками. Природа сотворила столбы давным-давно, но теперь пещера была сухой, и вода пробивалась через свод только в одном месте – там, где находилась «чаша».

Мать-жрица осталась довольна, что ее дочь нашла себе столь приятное во всех отношениях жилище. Как-никак, а Сагарис уже исполнилось семнадцать лет, и спустя год с небольшим придет ее время зачать и затем родить наследницу. А в такой пещере дитя будет чувствовать себя превосходно.

Деторождение у воительниц всегда было тайной за семью печатями. Не сам процесс появления ребенка на свет, – здесь все было понятно; для таких вещей существовали жрицы-знахарки – а зачатие. Подготовка к нему начиналась за полгода до весеннего праздника, посвященного богине Язате. Старшие жрицы собирали восемнадцатилетних девушек в отдельную

пещеру и долго объясняли им, как выбрать себе достойного мужчину, как вести себя с ним, как его ласкать и ублажать. Но самым главным было то, что на целых десять дней избранный юной воительницей мужчина становился ее повелителем, для которого девушка должна исполнять все его прихоти и пожелания. Это было наиболее трудным моментом. Весь год женщины помыкали мужчинами, как хотели, и только в дни чествования богини Язаты им приходилось смирять свою гордыню и изображать из себя покорных овечек. Это очень больно било по самолюбию, и не все выдерживали такое трудное испытание.

Удивительно, но Сагарис с нетерпением ждала, когда ей будет позволено общение с мужчинами. Днем из-за множества разных дел ей было не до размышлений, но по ночам ее одолевало странное чувство, одновременно приятное и раздражающее. Несмотря на то что мужчины были изгоями в племени воительниц, она начала присматриваться к ним, чего раньше с нею не случалось. И в конечном итоге призналась самой себе, что некоторые из них, несмотря на диковатый вид и варварские одежды, весьма приятны. Особенно ей приглянулся один юноша, который выделялся среди остальных своей статью и красотой.

Его звали Ама – Могучий, и он был сыном Томирис. Аму прочили поставить главным над мужчинами, но пока ими командовал старый Арна – Свирепый. У него торчал изо рта желтый клык, которым он гордился, так как был не похож на остальных. Несмотря на преклонные годы, Арна был кряжист, как дуб, и обладал большой силой. Он один имел право спорить с Томирис и не соглашаться с ее мнением, и царица иногда уступала ему, хотя могла запросто вспороть Арне живот. Но она была весьма благоразумна – Арна пользовался непререкаемым авторитетом среди мужской части племени.

Воительницы с нетерпением ожидали рождения младенцев. Частые стычки с племенами Громовых гор и разбойничьими шайками в Дикой степи не обходились без потерь, поэтому каждая родившаяся девочка была, что называется, на вес золота. Малышки всегда были окружены заботой, им доставались лучшие куски еды, их баловали до пяти лет, всячески ублажали. Но когда приходила пора обучения разным воинским премудростям, девочкам становилось совсем не сладко. Их гоняли с утра до вечера, ограничивая в еде и одежде, чтобы они были выносливыми и могли выдержать любые лишения в будущем, в том числе холод и жару.

Что касается мальчиков, то их сразу же отдавали на попечение Арны. У мужчин существовали специальные няньки, которые вскармливали малышей козьим и кобыльим молоком, и заботились о них не хуже, чем самая лучшая мать. Тем не менее часть мальчиков забирала в свои небесные чертоги Язата, но воительницы-матери, чувствовавшие себя виноватыми в том, что не смогли родить девочку, относились к таким трагедиям внешне безразлично. По крайней мере, на людях.

Жилище Сагарис было обставлено скудно. Да и откуда взяться дорогим вещам, которыми владели взрослые девы-воительницы, если она ни разу не ходила в набег на богатые селения, расположенные на берегах Меотиды?

Отряд молодых девушек в основном приобретал боевой опыт, отыскивая в Дикой степи стоянки разбойничьих шаяк, от которых никому не было покоя – ни местным племенам, ни купеческим обозам. Нередко разбойники налетали на пастухов и угоняли скот воительниц. Но уйти от возмездия за воровство удавалось немногим. Девы-воительницы были беспощадны с разбойниками, вырезали всех, ведь животные давали им все необходимое для жизни – мясо, молоко, сыр-иппаку, шерсть, шкуры, из которых шились зимние одежды...

Сагарис нежилась на ложе, покрытом лвиной шкурой. Согласно обычаю она преподнесла свой охотничий трофей Томирис, но царица, пораженная бесстрашием девочки и ее удачливостью, милостиво разрешила взять его себе. Сагарис явно пользовалась покровительством Язаты, и лвиная шкура была предназначена ей, и только ей. А Томирис опасалась гневить богиню.

Рядом с ложем лежал ее охотничий пес. Он был огромен. Таких псов имели только самые заслуженные воительницы. Стоили они очень дорого, так как их привозили из-за моря греческие купцы. Греки покупали их на Востоке щенками в стране Ашшуру⁶. Когда-то царь этой страны завоевал огромные пространства, и в его войске едва не главной ударной силой были боевые псы. Теперь от Ашшуру остались только несколько городов и селений, но слава ее великолепных псов пережила века. Они пользовались большим спросом не только у жителей Эллады, но и в других государствах. Два взрослых пса могли расправиться даже со львом.

Пес достался Сагарис совершенно случайно. На Большом Торге, бурлившем в конце лета на восточном берегу Меотиды во время ежегодного Перемирия, когда на месяц запрещались любые распри и войны, собирались практически все племена, населявшие морское побережье и Дикую степь. Там можно было встретить и пиратов-ахейцев, наводивших ужас на караваны заморских купцов, и полудиких гениохов, закутанных в звериные шкуры, о свирепости которых слагались легенды, и горцев из племени колхов, которые лазали по скалам, как белки по деревьям, и мирных меотов-земледельцев, и воинственных скифов, изрядно потрепанных закованными в броню отрядами сарматов...

На Большом Торге из заморских купцов в основном присутствовали римляне и греки. Северное Причерноморье не входило в состав Римской империи, но находилось в зависимости от Рима. Греческие города Ольвия, Херсонес и Боспорское царство получали от римлян военную и финансовую поддержку для борьбы со степными племенами. Через города Тиру, стоявшую в устье Данастриса⁷, Ольвию, расположенную в устье Гипаниса⁸, Танаис в устье Гиргиса⁹ и другие торговые фактории греков шла оживленная торговля с народами, населявшими Дикую степь.

Основным товаром был хлеб, который, как и встарь, шел в Грецию и Малую Азию, где ощущалась его нехватка. Этим хлебом снабжались и приграничные римские гарнизоны. Кроме хлеба, через эти торговые фактории греки ввозили рабов и предметы роскоши – золото и меха, а вывозили хлеб, скот, кожи и соль. Что касается керамики, стеклянной посуды, изделий из металла, тканей, а также вина и оливкового масла, то всем этим добром торговали римские купцы.

Но всю эту идиллию разрушили сарматские племена. Их родные места находились в устье рек Гиргиса и Ра¹⁰. Сарматы, как и скифы, были конными воинами, но, в отличие от легкой кавалерии скифов, сарматская конница была в основном тяжеловооруженной. Сарматы носили панцири из металлических пластинок и металлические шлемы, главным их оружием было длинное тяжелое копье, которое при атаке держали обеими руками, и длинный прямой меч, приспособленный для нанесения рубящего удара с коня.

Скифская знать в основном была уничтожена, простые земледельцы стали платить дань сарматам. Греческие города в Причерноморье также подверглись нападению сарматов. Ольвия была полностью разрушена. Прекратилась поставка хлеба из Причерноморья в Грецию и Малую Азию, Римская империя стала испытывать нехватку продовольствия. Был разрушен и другой важный торговый город Причерноморья – Тира¹¹. Племенное объединение даков образовало под предводительством царя Децебала государство Дакию и стало угрожать Римской империи.

---

⁶ Ашшуру – Ассирия. Название произошло от столицы государства, названной по имени главного божества ассирийцев.

⁷ Данастрис – река Днестр.

⁸ Гипанис – река Южный Буг.

⁹ Гиргис – река Дон.

¹⁰ Ра – река Волга.

¹¹ Тира – современный Белгород на Днестре.

Римские войска с трудом сдерживали прорывающиеся на территорию империи племена сарматов. Против них римляне предприняли несколько походов, но нанести дакам решающего поражения не смогли. Даки действовали привычными для них методами. Они согласились заключить мир. Но при условии регулярной выплаты им дани Римской империей. Римляне рассматривали дань, как откуп от кочевников, но им пришлось смирить свою гордыню, чтобы восстановить прерванную торговлю Рима со степной Скифией...

Греческий купец распродал свой живой товар очень быстро. Щенки боевых псов разбились, как горячие хлебцы у лоточников. В корзине остался только один щенок, совсем квель. Он почти не подавал признаков жизни. Грек долго с сомнением присматривался к нему, а затем решительно сказал Сагарис, которая наблюдала за процессом торговли:

– Что смотришь, красавица? Жалко щенка?

– Да, – коротко ответила девушка.

Под ее суровым взглядом грек смутился и отступил назад. Он был немало наслышан о грозных воительницах Дикой степи и сразу понял, кто перед ним. Греки называли их амазонками, а скифы – зорпата, мужеубийцами. Сагарис была в полном боевом облачении и выглядела как богиня войны. Ее черные глаза дико сверкнули, а хищный прищур не сулил купцу ничего хорошего.

Конечно, во время большого Перемирия грек находился в полной безопасности. Любой нарушитель веками установленного порядка был бы немедленно казнен стражами, охранявшими покой торговцев и покупателей. Но легендарные воительницы считались настолько непредсказуемыми и своевольными, что с ними нужно было держать ухо востро.

– Тогда возьми его себе, – неожиданно расщедрился грек. – Если выходишь щенка, будет тебе верный друг.

Так у Сагарис появился пес, о котором можно было только мечтать. Она возилась с ним так, будто пес был ее родным ребенком. Какое-то время щенок пребывал между жизнью и смертью, но затем благодаря советам матери-жрицы и ее чудодейственному зелью быстро пошел на поправку. А спустя полтора года превратился в грозу всех псов поселения. И на охоте ему не было равных. Казалось, что пес понимает не только человеческую речь, но даже умеет читать мысли своей хозяйки. Сагарис назвала его Бора (Желтый) из-за удивительного золотистого окраса.

Когда Бора мчался за очередной добычей (в степи воительницы в основном охотились на оленей и тарпанов), его шерсть, словно золото, сверкала на солнце. Он обладал потрясающей скоростью, неумной свирепостью и безумной храбростью. Однажды Бора сражался с волчьей стаей и вышел из схватки победителем.

Чтобы хоть как-то обезопасить его от клыков серых хищников, Сагарис соорудила ему широкий ошейник, окованный острыми шипами. Любимым волчьим приемом была хватка за горло, и ошейник становился непреодолимой преградой даже для матерого волка. А среди них встречались особи ростом с жеребенка...

Неожиданно Бора встал и издал низкое, утробное рычание. Сагарис насторожилась – к пещере кто-то приближался. Человек был еще далеко, но пес имел превосходный слух. Жилище Сагарис находилось несколько на отшибе, далековато от других пещер, и девушка никогда не теряла бдительности. Она потянула к себе свой любимый топор, который, как когда-то в детстве, лежал рядом, на постели, и застыла в напряженном ожидании.

Но вот Бора успокоился и снова лег, не выпуская из поля зрения вход в пещеру, закрытый пологом из шкур тарпана. Вскоре в жилище Сагарис боязливо заглянула Пасу.

– Придержи своего зверя! – попросила она, с опаской глядя на пса.

– Не бойся, – засмеялась Сагарис. – Он девственниц не трогает.

Пасу была старше ее на полгода, и весной ей предстоял поход в долину, где находилось святилище Язаты. Там из-под земли били горячие ключи, и трава всегда была зеленой, мягкой

и сочной, даже зимой. Именно в этой прекрасной долине воительниц ждало испытание – близость с мужчинами.

Подружка боязливymi мелкими шажками приблизилась к ложу Сагарис и пес презрительно отвернул в сторону свою лобастую голову. Он почему-то недолюбливал Пасу. Возможно, потому, что от нее пахло кошками. У Пасу была любимица – крупная серая кошка, пушистая шубка которой испещрили черные полосы и пятна. Девушка в кошке души не чаяла. Поэтому и не завела себе пса, полагаясь на Сагарис, с которой они всегда охотились вместе.

– Ну как я тебе? – спросила не без гордости Пасу и эффектным движением сбросила с себя шапку-колпак и меховой кафтан.

Обычно воительницы носили длинную одежду, не стесняющую движения, стянутую поясом и скрепленную на груди и плечах фибулами, а также широкие шаровары. Ворот, рукава и подол одежды обшивались мелкими бусами, а платье именитых воительниц, которые много раз ходили в набеги, было украшено еще и вышивкой золотом.

Наряд Пасу резко отличался от общепринятого канона. Она была одета в короткую белоснежную тунику, вышитую черными и красными нитками. Поверх туники Пасу накинула длинный кафтан из тонкой темно-красной шерсти с меховой опушкой у горла и понизу. Ее стройные ноги плотно обтягивали полосатые шаровары, а на ногах были мягкие сапожки из кожи горного козла с острыми носами, которые были расшиты разноцветными бусами. Свои темно-русые волосы Пасу заплела в несколько косиц, а голову прикрыла круглой бархатной шапочкой бордового цвета с высоким околышем, украшенным золотым шитьем.

Но не одежда поразила Сагарис, а украшения. На шее Пасу блистало всеми цветами радуги ожерелье из драгоценных камней, ее пальцы были унизаны перстнями, на запястьях красовались браслеты, а мочки ушей оттягивали золотые серьги работы греческих мастеров.

– Откуда?! – только и спросила ошеломленная Сагарис.

Она знала, что мать Пасу, хоть и была известной воительницей, но жила небогато. А тут такое...

– Это мне подарила Фарна! – Пасу сразу поняла, что так удивило ее подругу.

Фарна приходилась родной бабушкой Пасу. Она была колдуньей. Несмотря на свое имя – Небесная Благодать, старуха наводила ужас даже на жриц. Иногда она впадала в транс, и тогда вместе с пеной из ее щербатого рта вырывались пророчества, которые почти всегда были страшными и часто сбывались.

Она не пожелала поселиться вместе с племенем, а жила в некотором отдалении, в пещере Привидений. Воздух в ней был сладковатыми, и если долго там находиться, то появлялись призрачные фигуры предков, которые не всегда были добры. Когда в пещере умерли мучительной смертью две чересчур любознательные девицы, Томирис наложила строгий запрет на посещение этого места. Но Фарна пренебрегла наказом царицы и поселилась в пещере. Как она там выживала, никто не знал. А от этого воительницы еще больше стали опасаться старой колдуньи. Тем не менее тайно ее посещали – чтобы Фарна погадала, предрекла будущее. Ведь нет в мире ничего более привлекательного, чем знать свою судьбу. Особенно для женщин. А воительницы, при всей своей мужественности и неприятии мужчин, все же оставались женщинами.

Сагарис не стала расспрашивать, как достались старой колдунье такие огромные ценности. Не исключено, что они были платой за предсказание или за что-то другое. Поговаривали, что даже сама Томирис тайно пользовалась услугами колдуньи, которая могла продлевать молодость. А иначе как объяснить тот факт, что царица, сколько ее помнила Сагарис, совсем не изменилась.

Другие воительницы старели, а Томирис всегда была в одной поре – красивая, зрелая женщина с великолепной фигурой и хорошо развитыми мышцами. Да и сражалась она вместе со всеми, хотя могла и не ходить в набеги. Так она поддерживала свой авторитет и великолепную физическую форму.

– Боишься? – после некоторой паузы спросила Сагарис.

– Угу, – кивнула Пасу и побледнела. – Но пусть только он попробует обидеть меня!

С этими словами Пасу достала из-под одежды небольшой кинжал и воинственно продолжила:

– Зарежу, как паршивого козла!

– У тебя уже есть кто-то на примете? – поинтересовалась Сагарис не без задней мысли.

Пасу потупилась, замялась, но все же ответила:

– Да...

– Кто именно? – настаивала Сагарис.

Подружка тяжело вздохнула – иногда Сагарис становилась словно древесная смола; как прилипнет – не оторвешь. Вот и сейчас она точно не отстанет, пока не узнает имя избранника Пасу. Поэтому девушка сдалась и сказала честно:

– Ама...

Ама! Сын Томирис! Сагарис даже задохнулась от неожиданного гнева, обуявшего все ее естество. Как Пасу посмела положить глаз на Аму?! Он должен принадлежать ей, и только ей! Сагарис и Ама! И никто иной! В этом году Ама, как и Пасу, впервые был допущен жрицами в священную долину богини Язаты. До этого он не знал женщин.

Сагарис едва справилась с чувствами, которые рвались наружу. Внутри нее родилось мстительное чувство, а рука сама потянулась к топору. Ей хотелось немедленно раскроить голову своей подруге, которая стала соперницей. Глубоко вздохнув, Сагарис сделала над собой невероятное усилие и криво улыбнулась.

– А он об этом знает? – спросила она хриплым от волнения голосом.

– Я пыталась с ним общаться, но Ама лишь что-то мычал в ответ и старался побыстрее скрыться с глаз, – не без горечи ответила Пасу.

– Наверное, он сильно стеснительный, – высказала предположение Сагарис.

А внутри у нее все запело. Да уж – стеснительный! Ама буквально пожирал ее глазами, когда Сагарис находилась поблизости. Они не перемолвились даже словечком, но все было и так понятно. Не искушенная в любовных тонкостях, Сагарис тем не менее понимала, что Ама от нее без памяти. Он часто оказывался на ее пути и делал ей массу разных услуг, что совсем не требовалось.

Когда он находился совсем близко, Сагарис слышала его бурное, прерывистое дыхание, и тогда где-то внутри нее зарождалось непонятное чувство томления, которое постепенно спускалось от груди до пупка, а затем все ниже и ниже. И в какой-то момент внутри Сагарис начинали бушевать страсти, о которых она раньше не имела понятия.

Резко отвернувшись от Амы, она едва не бегом возвращалась в свою пещеру и начинала корчиться на своем ложе, будто ее ранили в промежность. Нестерпимое желание буквально сводило ее с ума.

– Возможно, – с сомнением в голосе согласилась Пасу.

– Да ты не переживай, – с фальшью в голосе утешила Сагарис подругу. – В Священной долине ты должна его очаровать.

– Еще чего! – фыркнула Пасу. – С какой стати я должна кого-то очаровывать?! Тем более – мужчину. Фи!

В ней совершенно некстати проснулся гонор воительниц, которые не считали мужчин ровней себе. В старые времена они вообще были на положении бесправных рабов, но мудрая Томирис запретила эти предрассудки, и воительницы стали относиться к мужской половине племени более снисходительно. Особенно отличались добротой к мужчинам женщины, которые родили двух-трех девочек.

До Сагарис доходили слухи, что некоторые воительницы тесно общаются с мужчинами не только во время праздника богини Язаты. Наверное, об этом знала и царица. Но на все-

общий суд такие связи не выносились, хотя воительницы постарше и осуждали безнравственное поведение своих более молодых подруг. Тем не менее тайна, по негласному соглашению, соблюдалась.

От всего этого особенно старались оградить юных девственниц. Вот тут все было очень строго. Любой мужчина, позволивший себе вольное обращение с девицей, не достигшей совершеннолетия, тут же был бы казнен. Ведь на первое общение с мужчиной могла дать согласие только богиня Язата, и только в Священной долине.

– И то верно, – легко согласилась Сагарис.

Сагарис почему-то была уверена, что Ама думает точно так же, как и она...

Глава 3. Ама

День выдался погожий, ясный. Это радовало. Стада диких горных баранов в пасмурную погоду не разглядишь. А Сагарис и Пасу решили поохотиться на муфлонов. Обоих снедало одно и то же чувство – вождление к Аме.

Пасу была в отчаянии – сын Томирис и не смотрел на нее, хотя она уже едва не напрямую намекала ему, что именно он ее избранник на десять дней праздника богини Язаты в Священной долине. Сагарис тоже испытывала подобные чувства, но по другой причине – она ревновала к Аме. Притом не только Пасу, но и других девушек. Ведь он обязан был выбрать одну из них.

Не в силах сдержать бешеный напор чувств, она предложила Пасу пойти на охоту, а та с радостью согласилась. Ей тоже необходимо было отвлечься от переживаний и сомнений в том, что она в конце концов завоюет благосклонность Амы.

Зимняя охота в Громовых горах – далеко не мед. Правда, она не требовала особого умения ориентироваться и передвигаться среди нагромождения камней и скал. При этом можно было особо и не маскироваться. Всего лишь нужно знать места, где кормились горные бараны. Охотиться приходилось с подхода – скрадком.

Стадо охотницы обнаружили быстро – по тропам на снегу. В ясный день тропы хорошо виделись даже на большом расстоянии. Тем более что накануне в Громовых горах прошел снегопад, и животные оставили свежие следы. При подходе нужно было соблюдать крайнюю осторожность; раз увидев охотника, бараны никогда не выпускали его из поля зрения, и охота при этом сильно усложнялась. Обычно очень осторожные, муфлоны никогда не ходили одними и теми же тропами. Кормились они в основном ночью, до самого утра, а днем спали в укромных местах, причем очень чутко. Лучше всего было охотиться на них во время гона, в конце осени, но мясо дикого барана было чрезвычайно вкусным, – у Сагарис даже слюнки текли, когда она вспоминала жаркое из муфлона, – поэтому девушки решили рискнуть. Кроме того, очень ценным трофеем были еще и мощные закрученные рога самцов.

Сагарис быстро определила по следам, что стадо баранов для дневного отдыха облюбовало небольшое плато у вершины крутой горы, с трех сторон окруженное скалами, которые защищали животных от злого северного ветра. Это открытие полностью удовлетворило охотницу. Она знала, что при высоком снежном покрове (а снег в горах шел три дня, практически без перерыва) муфлоны предпочитают не рисковать и не убегать от погони по узким горным тропам, а постараются вырваться на простор, в низинку, где их никто не сможет догнать, и где они вольны выбирать любое направление для бегства. А значит, у охотниц оставался только один вариант охоты – засидка у тропы. Сагарис была уверена, что уходить муфлоны будут по проторенной дорожке – для большей скорости.

Два конусообразных шалашика для засидки соорудили быстро. Они представляли собой переплетенные между собой ветви елей, которые девушки засыпали снегом. Со стороны засидки казались обычными сугробами, нанесенными ветром возле больших камней, которых на этом открытом пространстве хватало; камнепады в Громовых горах были обычным явле-

нием. Сагарис подозвала пса и долго что-то ему нашептывала, ласково поглаживая, будто пес и впрямь мог понять ее наказания. И что самое удивительное, Бора побежал именно в ту сторону, в которую Сагарис его и направляла!

Потянулось томительное ожидание. Псу нужно было преодолеть крутой скальный подъем, чтобы подобраться к муфлонам поближе и чтобы они побежали в направлении засидок. А в том, что чуткие животные услышат пса, девушки совершенно не сомневались, как у них не было сомнений и в том, что Бора горит желанием самостоятельно добыть себе кусок свежатины. «Но это вряд ли, – подумала Сагарис. – В горах псы плохие охотники. Им нужен лес или равнина».

Но вот наверху что-то изменилось. В белом мареве появились мелкие вихри, а затем из широкого пролома в скалах сыпанули, как горох, муфлоны. Стадо было немаленьким; не менее ста голов, по подсчетам Сагарис. Но этот вопрос волновал ее меньше всего. Она сильно встревожилась – часть стада неожиданно свернула с тропы и начала уходить по крутому карнизу, достаточно широкому, чтобы на нем мог поместиться даже крупный баран. Но тут же успокоилась – вожак стада летел, как вихрь, прямо по тропе, увлекая за собой молодняк и самок. Видимо, он понимал, что не все имеют возможность преодолеть коварный карниз, а только самые сильные молодые самцы.

Наконец показался и Бора. Он был сильно обескуражен своей неудачей. Пес, конечно, преследовал муфлонов, но без обычного задора, а больше исполняя долг. Видимо, Бора сообразил, что догнать быстроногих баранов ему не удастся.

Сагарис пожалела вожака. Он был великолепен, в самом расцвете сил. Но девушка понимала, что без опытного, бывалого вожака стаду будут грозить разные беды. Поэтому она пустила разящую стрелу в другого муфлона, просто красавца. Он был моложе вожака, однако его рога были огромны.

Больше подстрелить не удалось ни одного животного. Муфлоны мигмом меняли направление бега, и достать стрелой хоть одного из них на столь большом расстоянии не представлялось возможным. Пасу сияла; она тоже подстрелила крупного барана и от радости прыгала вокруг него, словно козочка.

Освежив добычу и выбросив внутренности (печень и сердце, конечно же, достались главному труженику – псу), девушки соорудили две волокуши и отправились в обратный путь. Нужно было торопиться. Небо постепенно затягивала сизая мгла, солнце поблекло, и поднялся ветер...

Весна пришла дружная. По утрам еще случались заморозки, но днем благодатное солнце щедро изливало свое тепло на землю, изрядно промерзшую за зиму. Все живое рвалось к солнцу и свету; трава росла так быстро, что все диву давались. Только вчера луговина, едва освободившаяся от снега, печально желтела кустиками сухостоя и рыжими проплешинами мха, а уже утром она была покрыта бархатным зеленым ковром. Еще день-два – и зазеленевшие косогоры с восточной стороны запестрели первыми цветами.

Близился праздник богини Язаты. Печальная Сагарис, снедаемая ревностью, почти перестала общаться с Пасу. Но та не обижалась: ей было не до подруги. Она старательно обхаживала своего избранника – богатыря Аму. Он сильно выделялся среди других мужчин своей богатырской статью и независимостью. Его мать, царица Томирис, явно к нему благоволила, и Ама пользовался ее покровительством без зазрения совести.

Чтобы хоть как-то избавиться от доселе незнакомого ей чувства, которое приносило страдания, и выбросить из головы дурные мысли, Сагарис занялась давно задуманным делом. Она решила изготовить себе кожаный панцирь. У нее имелся старенький, но на него надежда была слабая. Он изрядно обветшал, кожа начала плесневеть, а местами и вовсе превратился в труху.

Добыть себе панцирь, изготовленный ремесленниками, хотя бы греками-колонистами, которые жили на берегах Понта Эвксинского¹² и Меотиды, у Сагарис пока не было возможности. Ведь ее отряд в основном сражался с разбойниками-оборванцами, которые сами пользовались ненадежными матерчатыми панцирями или теми же кожаными, но плохо изготовленными. Их могла пробить даже стрела, пущенная с большого расстояния.

У Сагарис имелась превосходная шкура дикого быка – тура. Это был подарок матери. Несмотря на свое жреческое звание, мать была сильной воительницей и удачливой охотницей.

Раньше стада туров паслись в степи, и охотиться на них было легко, но теперь их количество стало значительно меньшим, и дикие быки начали прятаться по лесным зарослям. Охота на чуткого и сильного зверя в лесах стала делом избранных. Не всякая дева-воительница могла выследить небольшие стада туров. А выследив – убить.

Рассвирепевший тур мог наделать много бед. Его толстая кожа отбивала стрелы не хуже хорошего щита, а значит, нужно было приблизиться к нему на расстояние удара копьем. Но если в этот момент рука дрогнет, и наконечник копья не достанет до сердца зверя, тогда молись Язате о спасении. Убежать от неповоротливого с виду тура невозможно, а его рога, достигающие длины двух локтей¹³, могли пришить к земле человека даже в металлическом панцире.

Как бы там ни было, но великолепная, хорошо вычищенная шкура дикого быка оказалась в распоряжении Сагарис. Она решила для особой прочности сделать панцирь из трех слоев кожи. Вырезав заготовки, юная воительница несколько дней вываривала кожу в масле, чтобы придать ей дополнительную твердость. После изготовления панциря нужно было еще смазывать его и медвежьим жиром, чтобы он служил подольше. Такой доспех не уступал металлическому, но весил больше.

Однако это обстоятельство не пугало крепкую девушку. Тем более что она не собиралась воевать в пешем строю. А ее любимец Атар мог нести на своей спине и более тяжелый груз, нежели его хозяйка в полном боевом облачении.

Конечно, кожа в качестве панциря не могла служить более трех лет. Она быстро запревала и приходила в негодность. Но это обстоятельство не очень волновало Сагарис. Она была уверена, что в одном из набегов на поселение греков-колонистов или на римские гарнизоны она обязательно добудет себе металлический доспех.

Помимо твердости, кожа имела важное защитное свойство – вязкость. Второй слой панциря Сагарис сделала сыромятным. Чередование в доспехе вываренной кожи и сыромятной давало очень хорошую защиту от стрел и колющих ударов. Конечно, при всех достоинствах кожаный панцирь плохо защищал от рубящих ударов боевым топором. Но Сагарис надеялась на свое превосходное владение оружием и увертливость.

Кроме того, у нее был великолепный греческий щит-аспис. Этот свой первый воинский трофей она берегла, как зеницу ока. Выпуклый щит был цельнометаллическим, но не очень большим и не прикрывал весь торс всадницы. Тем не менее благодаря своей форме он превосходно отражал стрелы, а удары топором или мечом приходились вскользь. Деревянная основа щита с внутренней стороны была обтянута кожей, а с внешней покрыта бронзой. На внутренней стороне, в центре, располагалась широкая бронзовая рукоятка, куда рука просовывалась до локтя, а кисть руки сжимала вторую рукоять, расположенную у края щита. Ее изготовили из кожаного ремешка. По краю щита находились кольца, через которые был пропущен шнур. Во время движения Сагарис перебрасывала щит за спину, что было весьма удобно.

Конечно, щит был тяжел, и чтобы удержать его, требовалась немалая сила. Но Сагарис выучили тренировки с луком, которые были обязательными для всех воительниц, начиная

---

¹² Понт Эвксинский – древнее название Черного моря. В переводе означает «Гостеприимное море».

¹³ Локоть – единица измерения длины, не имеющая определенного значения и примерно соответствующая расстоянию от локтевого сустава до конца вытянутого среднего пальца руки. Здесь локоть греческий = 46,3 см.

с детского возраста. Они подолгу стояли неподвижно, держа лук на вытянутой руке. Только так можно было добиться точного выстрела. К концу занятий легкий лук превращался в тяжелый камень, и приходилось изрядно напрягаться, чтобы не опозориться перед наставницей. Но к шестнадцати годам мышцы девушки превратились в упругие канаты, и она могла сражаться сколь угодно долго, не чувствуя усталости.

Закончив работу, Сагарис натянула сырой панцирь на деревянную болванку, повторяющую контуры ее фигуры, чтобы он хорошо высох и приобрел нужную форму. Этот манекен сделал ей Ваху, мастер на все руки. Его имя – Добрый – подходило ему как нельзя лучше. Он всегда был приветлив с воительницами, особенно с юными, которые еще несильно гордились своей исключительностью. Ваху был и кузнецом, и ювелиром, и столяром, и шорником, и вообще мастером на все руки, исполнявшим сложные ремесленные работы, столь необходимые в любом хозяйстве.

Когда Томирис гневалась, то шла в мастерскую Ваху, где его неизменная добродушная улыбка умирала ее раздражительность и приносила успокоение. Особенно любила царица наблюдать, как Ваху трудится над очередным кузнечным изделием. Огонь горна ее завораживал. Поговаривали, что Ваху был отцом Амы и что Томирис небезразлична к нему до сих пор, но об этом все помалкивали. Несмотря на резкое неприятие мужчин, некоторые воительницы тайно благоволили к ним. И опять-таки, это обстоятельство никогда не было источником пересудов и сплетен.

Сам Ваху был сложен, как греческое божество. Когда он, обнаженный до пояса, трудился над подковой, огонь горна освещал его мощную фигуру и великолепные мышцы, которые блестели от пота. Длинные кудрявые волосы, уже тронутые сединой, обрамлявшие освещенный алым пламенем строгий профиль Ваху, и впрямь делали его похожим на греческого бога. Известно, чем больше любовалась Томирис, – танцующими огненными языками в горне или своим бывшим возлюбленным...

– Девочка, – говорил мастер Сагарис своим мягким, рокочущим басом, – скоро ты познаешь мужчину. И поверь мне, старику, это будет не самое худшее в твоей жизни. Скорее, наоборот. Для вас, воительниц, смыслом существования является вечная битва. В сражениях вы доказываете всем, и себе в первую очередь, что женщина стоит выше мужчины. В какой-то мере это так. Ведь она дает жизнь человеку. Но с другой стороны, что такое женщина без мужчины? Дети от ветра не рождаются. Не будет мужчин, исчезнет род людской.

– Твои слова кощунственны! – гневалась Сагарис. – Мужчины – низшие существа!

– Это тебе сказала Тавас? – Ваху иронично улыбнулся. – Большой стервы трудно найти в нашем поселении. Ты никогда не задавалась вопросом, почему она бездетна?

– Нет! – отрезала Сагарис.

– А зря... – Ваху словно не замечал, что девушка гневается. – В юности Тавас убила своего первого мужчину, который хотел к ней прикоснуться. Уж не знаю, по какой причине. С той поры никто из нас не желает иметь с ней дело. Даже под страхом смертной казни. Томирис однажды хотела принудить одного из мужчин обратить внимание на Тавас. Но он готов был убить сам себя, только бы не оказаться в объятиях этой Гидры в человеческом обличье. Поэтому Тавас и бесится, сходит с ума от того, что ее подруги-одногодки имеют детей, а она пуста, как детская погремушка из высушенного бараньего желудка, наполненного горохом...

Слова Ваху засели в душе Сагарис, как заноза в пятке. Тавас и впрямь была бешеной. А уж ее ненависть к мужчинам превышала все разумные пределы. При виде воительницы молодые мужчины старались спрятаться где-нибудь или просто убежать с ее пути. Она могла без всякой причины огреть любого, даже самого уважаемого мужчину в преклонных годах, своей боевой нагайкой-треххвосткой, которую никогда не выпускала из рук. А такой нагайкой можно было запросто покалечить человека. Тавас опасалась трогать только Ваху, потому как знала, что обидеть его – значит, попасть в немилость к Томирис.

Закончив хлопоты с панцирем, Сагарис после некоторого размышления принялась за львиную шкуру. Мысль использовать ее в качестве боевого плаща пришла к ней несколько дней назад. Практически все воительницы носили меховые накидки, прикрывающие доспехи. Ведь в железных панцирях в зимнее время холодно, а летом жарко. К тому же густой мех и звериная шкура служили дополнительным защитным облачением. Стрелы теряли пробивную силу, впиваясь своими острыми жалами в сыромятную шкуру, упрочненную травяными настоями, предохранявшими ее от гниения.

Первым делом Сагарис пропитала шкуру изнутри барсучьим жиром – для мягкости. Она давно отскоблила мездру костяным ножом, поэтому пропитка удалась на славу. А затем занялась главным – начала мастерить из головы зверя шлем с таким расчетом, чтобы ее лицо выглядывало из львиной пасти. Чтобы упрочить его, она сшила толстую матерчатую подкладку и теперь усиленно орудовала проколкой, пришивая ее изнутри.

Неожиданно Бора заворчал, а затем вскочил и с угрожающим видом направился ко входу в пещеру. Сагарис насторожилась. К воительницам пес относился снисходительно, хотя и был всегда настороже. Но теперь его оскаленная пасть и хищно заблестевшие глаза предупредили Сагарис, что наружи находится чужак. Кто бы это мог быть?

Схватить лук и наложить стрелу на тетиву было делом нескольких мгновений. Острое жало наконечника уставилось в сторону входа, и если там находится враг, то ему несдобровать.

Полог медленно отодвинулся, и в образовавшейся щели показалось лицо... Амы! Сагарис едва не выстрелила, да вовремя спохватилась и придержала руку. Ама! Что ему нужно? И как он решился войти в ее жилище без приглашения?!

– Как посмел?!

Сагарис вскочила и схватила свой топор. Непонятная ярость ударила ей в голову, и она готова была немедленно изрубить наглеца на мелкие кусочки.

– Прости, госпожа...

Не обращая внимания на пса, который готов был в любой момент наброситься на незваного гостя, Ама упал на колени и с мольбой протянул к Сагарис свои сильные, мускулистые руки.

– Прости и выслушай...

Пылающий взгляд Амы, казалось, пробил грудную клетку девушки и вонзился в сердце. Она даже тихо охнула от дикого изумления. Могучий сын самой Томирис стоит перед ней на коленях! Ама, который вообще не признавал ничью власть над собой, – даже Тавас подходила к нему с опаской, потому что сын царицы мог сокрушить ее своими железными руками и без оружия – вел себя как самый последний раб!

Немного помедлив, Сагарис коротко ответила, тая сильное волнение:

– Говори.

– Скоро праздник богини Язаты...

– Знаю!

– И я должен...

– Это тоже мне известно!

– Но я не хочу!

– Почему?

– Потому что только ты в моем сердце! Можешь прямо сейчас меня убить, но другие девушки мне не нужны!

Сагарис опешила. Уж чего-чего, а этого она никак не ожидала. Конечно, юная воительница не раз замечала на себе взгляды Амы, которые волновали ее до глубины души. Да и она несколько раз ответила ему не менее выразительным взглядом – помимо своей воли. Но мысль о том, что вскоре ему предстоит заключить в свои объятия Пасу, омрачала ее чело и погружала в уныние. Ах, ну почему, почему она не родилась раньше своей подруги?!

– Ты предназначен другой... – глухо ответила Сагарис, пряча взгляд.

– Нет! Я испрашивал у Фарны свою судьбу. И она предсказала мне, что... В общем, неважно. Она говорила многое. Но в предсказании колдуньи была и ты! Именно ты, и никто другой! Фарна описала тебя во всех подробностях. Притом она не бросала гадальные кости, как обычно, а впала в настоящее безумие. У нее изо рта даже пена пошла! Я очень испугался... – признался Ама.

– Ну и что с того? Ты неволен решать, с кем тебе быть. Как решит Язата, так и будет. А уж Язата посильней Фарны с ее предсказаниями.

– Никогда! Я лучше умру!

Взгляд Амы пылал, словно его поразило безумие. Однажды Сагарис довелось видеть обезумевшего мужчину, который бросался на всех, как бешеный пес. Тавас убила его недрогнувшей рукой. Ама трясся, как в лихорадке, да так, что даже Бора отошел от него, недовольно рыча. Похоже, сильное волнение юноши передалось и ему.

Сагарис не нашлась что ответить Аме. Топор выпал из ее ослабевших рук, она уселась на свое ложе и опустила голову, стараясь не глядеть на юношу. О боги! Как в этот момент девушке захотелось, чтобы в Священной долине именно ей выпало счастье обнять Аму! Доселе неизведанное чувство сразило ее наповал. Она уже мало соображала, что происходит.

Ама встал и нерешительно подошел к ложу девушки. Бора зарычал, но у Сагарис все-таки хватило сил резко сказать ему: «Фу!» Обиженный пес убрался подальше и лег у стены пещеры, не спуская настороженных глаз с ложа хозяйки. А там творилось то, чего ему никогда прежде видеть не доводилось...

Глава 4. Легат Мёзии

Недавно построенная римлянами крепость Харакс на южном берегу Таврики поражала мощью своих стен. Высокий мыс сам по себе служил великолепным укреплением, а хорошо обученные наемные солдаты, завербованные в молодости и обязавшиеся служить не менее двадцати лет, могли сокрушить любого противника, который дерзнул бы пойти на приступ твердыни.

Прежде на этом месте находилось укрепление местных обитателей – тавров. Заняв его, римляне оборудовали две оборонительные стены, защищавшие холм с суши. А со стороны моря большая крутизна делала его совершенно недоступным.

Первая стена, сооруженная таврами на северном склоне холма, представляла собой циклопическую кладку из колоссальных камней и глыб. Как тавры умудрились доставить их на мыс, было загадкой. Римлянам оставалось лишь закрыть бреши в стене. Кроме того, они сделали с внутренней и наружной стороны стены панцири, сложенные из довольно больших камней, пространство между которыми заполнял бут. Толщина таврской стены была не менее шести локтей, а высота – около девяти. В стене находились ворота шириною шесть локтей.

Выше по склону холма проходила вторая оборонительная стена – чисто римская. Она также имела два панциря, пространство между которыми было заполнено бутом и по ширине не уступала таврской.

Харакс был довольно тесно застроен. В крепости имелись нимфей – цистерна с водой, термы – бани с бассейнами, наполненными холодной и горячей водой, а также другие здания, в том числе казармы. Пол в банях подогревался – в помещении с бассейнами под кирпичным полом проходило отопление горячим воздухом. К термам сбоку примыкала палестра¹⁴. Кроме того, в Хараксе находились алтарь Юпитера Величайшего, официального римского

---

¹⁴ Палестра – гимнастический зал, площадка для упражнений, где защитники крепости поддерживали свою физическую форму.

божества, а также столбы с рельефными изображениями богов Диониса, Митры, Артемиды, Гекаты и Фракийского всадника, которым поклонялись обитатели крепости. За пределами стен Харакса находились капабы – поселения, обычное явление при римских постоянных военных лагерях, где жили торговцы, ремесленники и женщины легкого поведения. Что касается пространства между стенами, то оно в основном представляло пустырь, где обычно происходили тренировки солдат.

Утро в крепости выдалось суматошным. С инспекторской проверкой нагрянул легат¹⁵ Нижней Мёзии Плавтий Сильван Элиан. Событие для Таврики и впрямь было незаурядным. Комендант гарнизона, центурион¹⁶ Гай Фульвий Аггиан, был весь в поту, пребывая в большом недоумении, – что могло понадобиться самому легату Нижней Мёзии в его хозяйстве?

Рим постоянно вмешивался в дела Боспора, часто прибегая к военной силе. Кроме Харакса, римские гарнизоны находились также в Ольвии и Херсонесе. Они состояли из отрядов, выделенных пребывавшими в Мёзии легионами¹⁷: I Италийским, V Македонским и XI Клавдиевым, а также из солдат вспомогательных войск I когорты Бракаравгустанов, II Лукенсийской когорты, I Киликийской и других частей. Особые отряды наблюдали за дорогами, соединявшими занятые пункты.

Командиром вексилляций¹⁸ в северной части Понта Эвксинского был военный трибун¹⁹, находившийся в Херсонесе. Под его начальством находился триерарх²⁰ части Мёзийской эскадры, которая несла службу в водах Таврики.

Поначалу, следуя традиции, состоялся смотр войск гарнизона Харакса. Плавтий Сильван был брюзгой, и Гай Фульвий это знал, поэтому не без оснований опасался, что его подчиненные, разбалованные достаточно вольготной жизнью вдали от большого начальства, не окажутся на должной высоте.

Солдатам гарнизона часто приходилось принимать участие в строительных работах. Они сооружали различные здания, мосты, дороги. Поэтому воинская выучка была не на должной высоте, и Гай Фульвий с трепетом ждал момента, когда легат потребует, чтобы legionеры схлестнулись в учебных боях. Плавтия Сильвана трудно было обмануть. Он был ярким приверженцем древних традиций, особенно в части мечевого боя. Legionеры преимущественно применяли колющий удар, значительно более эффективный, чем рубящий. Он наносился много быстрее, поражал на более длинной дистанции, был менее заметен и поэтому не столь легко мог быть отбит неприятелем. Наконец, при рубящем ударе неизбежно открывалась рука и правый бок, что позволяло врагу ответить встречным ударом. Издревле римляне обучали новобранцев колющему удару и благодаря этому легко побеждали противника, который применял только рубку.

Но варварские племена Таврики, в частности, сарматы с их длинными тяжелыми мечами, заставили поменять тактику боя. Достать конного аорса²¹ или скифа на коне с помощью колю-

¹⁵ Легат – так назывался у римлян посланник, отправляемый к другим правительствам или народам. В императорскую эпоху легаты провинций и легионов выбирались из сенаторов.

¹⁶ Центурион – в римской армии командир центурии – сотни. Центурионы высшего ранга командовали также более крупными подразделениями (манипулой, когортой, вексилляцией).

¹⁷ Легион – основная организационная единица в армии Древнего Рима. Состоял от 2 до 10 тыс. (в более поздние периоды – 4320) пехотинцев и нескольких сотен всадников. Каждый легион имел свой номер и название. Во главе легиона в период Республики стоял военный трибун, в период Империи – легат.

¹⁸ Вексилляция – особый, относительно небольшой отряд легиона, реже когорты, манипулы или нумерия (воинское подразделение в количестве 200–400 чел.), выделенный для участия в боевых действиях, когда сам легион выполнял другие задачи, либо несший гарнизонную или патрульную службу. После выполнения своих задач вексилляция распускались, сливаясь со своими подразделениями.

¹⁹ Трибун – командная должность в римском легионе. Как правило, военные трибуны происходили из знатных семей.

²⁰ Триерарх – командир военного корабля – триремы.

²¹ Аорсы – название одного из кочевых восточных сарматских племен, занимавшего территории от Южного Урала до Нижнего Поволжья и Азовского моря.

щего удара не представлялось возможным, тем более что варвары дрались не плотным строем, а врассыпную, лавой. Поэтому основным оружием легионеров, сражавшихся в Таврике, стало копье-дротик пилум. Оно было длинным, около пяти локтей, имело очень узкий железный наконечник, почти равный по длине массивному деревянному древку. Благодаря тяжелому весу сила удара брошенного пилума была весьма значительна: он мог пробить щит и панцирь противника.

Пилум приносил немалую пользу даже в тех случаях, когда просто вонзался в щит. Под тяжестью древка тонкий железный наконечник обычно изгибался крючком, и неприятель не имел времени ни извлечь пилум, ни возможности его перерубить, так как своим мечом мог достать только длинный металлический наконечник. В таких случаях врагу приходилось бросать щит и вступать в рукопашный бой без прикрытия.

Плавтий Сильван был хмур и неразговорчив. Он стоял рядом с Гаем Фульвием и бесстрастно смотрел на солдат гарнизона, старательно сохранявших строй. Облечение легионеров состояло из железного шлема, кожаного или пластинчатого железного панциря и щита. Большею частью преобладало кожаное защитное снаряжение из-за жаркого климата Таврики. Сражаться в железном панцире под палящими лучами неистового солнца, которое ярко светило почти круглый год, и врагу не пожелаешь.

Щит имел полуцилиндрическую форму, делался из дерева и обтягивался воловьей кожей. По краям его обивали металлом, а середина наружной стороны была обшита небольшим железным листом, центр которого имел округлую выпуклость – умбон. За умбоном была расположена рукоятка, которую держали левой рукой. Защищаясь от неприятеля, легионер обычно стремился принять его удар на умбон щита.

Массивный, с очень широким, остrokонечным клинком и большой рукояткой, меч носили в ножнах. У командиров они были на левом боку, у легионеров – на правом, чтобы ножны не бились о щит.

Отдельно стоял отряд баллистариев и пращников. О них Гай Фульвий беспокоился больше всего. Если легионеры центурии все же кое-как соблюдали дисциплину, то бесшабашным камнеметчикам море было по колено. Местное вино хоть и было кислым, на вкус истинного римлянина, но его дешевизна и большое количество с успехом заменяли вкусовые качества. Баллистарии, обычно не занятые в разных работах и тренировках, редко когда были трезвыми, несмотря на разные кары, которыми грозил Гай Фульвий. В отличие от легионеров, они были незаменимы, поэтому приходилось терпеть их вольности.

На удивление, Плавтий Сильван ограничился только смотром. Буркнув что-то невразумительное, он решительно направился к домику коменданта гарнизона, где уже была приготовлена для него трапеза. Гай Фульвий расстарался на угощение. Ему было известно, что Плавтий Сильван не чурается чревоугодия, и очень надеялся, что легат сменит гнев на милость, хотя и не понимал, почему тот столь мрачен и неприступен.

К столу из закусок были приготовлены сардины, яйца и устрицы. За ними последовал напиток «мульс» – вино, подслащенное медом. Затем пошли основные блюда обеда – всего семь перемен. Из рыбы подали макрель в сладком соусе, соленого тунца, жареную на вертеле кефаль и копченого угря. Мясные яства были из оленины, мяса молодого барашка, испеченного на углях, и мяса молочных поросят. Особенно богато были представлены блюда из птицы: кур, гусей, журавлей, фазанов и даже экзотических для Таврики павлинов, которые подавались к столу только богатым патрициям.

После основной части обеда, по старой римской традиции, последовало короткое молчание, пока на алтарь приносилось жертвоприношение богам – пшеница, соль и «мульс». Затем был подан десерт или второй стол: подслащенные медом пироги, фрукты и доброе фалернское вино. Изрядно набивший брюхо, Плавтий Сильван значительно смягчился и даже начал шутить.

Гай Фульвий приободрился – а вдруг пронесет; вдруг гроза пройдет мимо? А в том, что Плавтий Сильван прибыл в эти варварские края не ради любознательности, центурион совершенно не сомневался. Похоже, причина для дальнего и небезопасного путешествия была очень веской.

Старый солдат угадал. Потягивая вино из большого серебряного кубка работы греческих мастеров, Плавтий Сильван внимательно рассматривал чеканные фигурки на его выпуклых боках. Ювелир изобразил несколько сцен сражения греческих гоплитов и амазонок.

– Что ты думаешь по этому поводу? – спросил он центуриона, щелкнув ногтем пальца по фигурке амазонки, которая, даже будучи раненой, продолжала отчаянно сражаться.

Гай Фульвий посмотрел на него с недоумением, немного помялся, а затем нехотя ответил:

– Прекрасный кубок. Моя воинская добыча. Позволь преподнести тебе в дар.

– Благодарю, – не стал отказываться Плавтий Сильван.

При этом в его карих глазах мелькнула искра жадности.

Тиберий Плавтий Сильван Элиан родился не в патрицианской семье. Его родным отцом был консул Луций Эмилий Ламия, а приемным – претор²² Марк Плавтий Сильван. На первых порах карьера Плавтия Сильвана складывалась вполне благополучно. В 35 году он был монетным триумвиром²³, затем находился на посту квестора²⁴ императора Тиберия, несколько позже занимал должность легата V легиона Жаворонков, в 42 году стал городским претором, спустя два года участвовал в качестве легата в завоевании Британии, а в 45 году занял должность консула-суффекта²⁵.

В 48 году Плавтий Сильван был возведен в патрицианское сословие, после чего долгое время не занимал никаких должностей. Причиной тому были недоброжелатели, которые составили на него донос императору Клавдию. Что в нем было, так и осталось тайной, тем не менее карьерный рост Плавтия Сильвана прекратился. И только после того, как императором стал Нерон, его послали управлять провинцией Азией в качестве проконсула, а с 61 года назначили на пост легата пропретора Мёзии.

Чтобы оказать помощь Херсонесу в борьбе против скифов и сарматов, он совершил удачный поход против варваров силами VII Клавдиева и VIII Августова легионов, а после Великого пожара в Риме отправил мёзийское зерно в столицу для обеспечения голодающего населения. Тем не менее даже после всех своих воинских заслуг и такого большого благодеяния он так и не получил триумф, что сильно сказалось на его характере. Плавтий Сильван стал желчным, раздражительным и большей частью пребывал в мрачном настроении.

Гай Фульвий догадывался, что одной из причин скверного характера легата была элементарная жадность. Несмотря на все свои высокие посты, Плавтий Сильван был небогат. Почетное звание патриция не принесло ему больших доходов, и легат лез из кожи вон, лишь бы удовлетворить запросы своего обширного семейства, что при его должности не всегда удавалось. Поэтому центурион приготовил для Плавтия Сильвана богатый подарок, но кубок в нем не значился. А Гай Фульвий им очень дорожил.

– Я говорю не об этом прекрасном творении великого мастера эллинов, – продолжил легат, любовно огладив кубок, который неожиданно стал его собственностью. – Здесь изображены амазонки, которые, как это ни удивительно, до сих пор существуют и вполне вольготно

---

²² Претор – государственная должность в Древнем Риме. На должность претора могли претендовать римские граждане не моложе 40 лет и прошедшие через нижестоящие должности. Избирался сроком на один год, свои обязанности исполнял безвозмездно. В эпоху Империи преторами назывались также высшие должностные лица в городах.

²³ Триумвир – член коллегии, состоящей из трех лиц.

²⁴ Квестор – один из римских ординарных магистратов. Квесторы прикомандировывались к военачальникам для ведения финансовых дел в армии, посылались в провинции для надзора за проконсулами и пропреторами, наблюдали в приморских городах и некоторых других местах за поступлением таможенных пошлин и за другими хозяйственными делами государства.

²⁵ Консул-суффект – особая разновидность древнеримской магистратуры консула.

себя чувствуют на территориях, подвластных Риму. Я получил несколько донесений, что они нападают на наших фуражиров, вырезая их. Из-за этого войска не получают должного снабжения. А голодный легионер – плохой солдат. Что ты об этом думаешь?

Гай Фульвий неопределенно пожал плечами, подумал, и осторожно ответил, предполагая в вопросе легата какой-то подвох:

– Нас они не тревожат... И со снабжением крепости у меня полный порядок.

– Мне это известно. Тогда вопрос: как ты этого добился?

– Очень просто. Наладил добрые отношения с племенами Дикой степи. Проще купить у них все, что нам нужно, нежели отбирать силой. Деньги плачу им смешные, зато ни разу на моих фуражиров никто не нападал. А все потому, что варвары их сами охраняют.

– Разумно... – Плавтий Сильван с интересом пригляделся к центуриону.

Старый солдат Гай Фульвий оказался умней и на голову выше военачальников-патрициев, которые посылали манипулы²⁶ для грабежа местного населения. Попытки захватить у варваров стада овец и быков постоянно оборачивались кровопролитными схватками, которые не всегда заканчивались победой римлян. Да и найти животных в Дикой степи представляло собой сложную задачу. Ведь у кочевников не было постоянного местопребывания.

– Тем не менее что-то предпринимать нужно, – продолжил легат. – Последний набег амазонок на наш военный лагерь обернулся большими потерями.

– Мне это известно...

– В донесении трибуна указано, что девы-воительницы используют тактику скифов. Амазонки не входят в соприкосновение, они обстреливают из дальнобойных луков наши манипулы, и достать их невозможно. Пока наши солдаты отражают набег передовых сил амазонок, другой их отряд грабит незащищенный лагерь.

– Нельзя выводить манипулы за пределы ограды!

– Скажи сие трибуну, этому тупице! – грубо ответил Плавтий Сильван. – В Таврике он недавно и плохо ориентируется в местной обстановке. Да и военного опыта у него маловато. Ему не пришлось сражаться ни со скифами, ни с сарматами.

– Но ведь в его отряде, насколько мне известно, были опытные центурионы. Они-то почему не подсказали трибуну, как нужно действовать?

– А потому, что он из рода Корнелиев! – сердито сказал легат. – Их упрямству может позавидовать даже осел.

Гай Фульвий промолчал. Плавтий Сильван происходил из плебейского рода, и отношение к древнему патрицианскому сословию испытывал двойственное. В Риме патриции первоначально составляли все коренное население, входившее в родовую общину. Но после выделения из общины знатных патриархальных семей к патрициям стали относиться лишь представители родовой земельной аристократии. Принадлежность к родовой аристократии можно было получить по праву рождения, а также путем усыновления или награждения. Это право терялось по смерти или из-за ограничения в правах. Увы, Плавтий Сильван не мог похвалиться знатностью своего происхождения, поэтому, несмотря на то что сам был патрицием, к родовой аристократии он относился с предубеждением.

Тем временем Гай Фульвий все никак не мог понять, к чему клонит легат. В том, что у того была какая-то тайная миссия, он уже не сомневался. А иначе зачем тащиться за тридцать земель из хорошо укрепленного Виминациума²⁷, столицы Мёзии, подвергая себя большой

---

²⁶ Манипула – основное тактическое подразделение легиона в количестве 120—200 чел. Делилась на две центурии. Манипулы римляне переняли у самнитов.

²⁷ Виминациум – древнеримский военный лагерь, затем город и столица римской провинции Мёзия. Располагался на востоке нынешней Сербии, в 12 км от города Костолац. Основан в I в. н.э. и насчитывал около 40 тыс. жителей, что делало его одним из самых крупных городов данной эпохи.

опасности? Похоже, в замыслах легата отведено место и ему, старому вояке, коль уж Плавтий Сильван первым делом посетил Харакс.

– Итак, к делу! – решительно заявил легат. – Сенат решил покончить с очередной опасностью, которая угрожает нашему присутствию на берегах Понта Эвксинского. Конечно, наши легионы по-прежнему сражаются с остатками варварских орд, но они разрознены и их нападения на посты и поселения не наносят нам существенного урона. В отличие от племени амазонок. Их царица Томирис обладает качествами великого полководца, что для нас просто неприемлемо.

– Легко сказать – покончить... – проворчал центурион. – Если наши манипулы истопчут своими калигами²⁸ всю Дикую степь, то и тогда надежда на благополучный исход этой авантюры весьма призрачна. Конные амазонки чувствуют себя на равнине, как корабль в открытом море. У них тысячи путей, а у наших пеших легионов только один.

– Об этом и речь. Во-первых, Сенат поручил мне собрать войско для карательной экспедиции против амазонок. Во-вторых, меня обязали найти достойного военачальника, который хорошо знает местные обычаи и который немало повоевал с варварами. И лучшей кандидатуры, чем ты, любезный Гай, не найти. И в-третьих, вскоре в Харакс прибудет фракийская конная спира²⁹ (позаботься о ее размещении), а фракийцы весьма поднаторели в сражениях с конными стрелками варваров. Не думаю, что амазонки смогут драться с ними на равных. К тому же Биарта, трибун фракийской спира, хитер, как сам Улисс³⁰.

Гай Фульвий обреченно вздохнул – все, мирная жизнь закончилась. Шел двадцать пятый год его службы, он надеялся выйти в почетную отставку, получить полагающийся ему земельный надел, построить виллу, благо средств у него хватало, и остаток дней своих провести в окружении любящей жены и кучи детишек в благодушии и довольствии. Но, похоже, чаяния старого солдата могут остаться несбыточной мечтой. Поручение легата Мёзии вряд ли принесет ему славу победителя амазонок и фалеры³¹ за боевые заслуги.

Но приказ есть приказ, и оспаривать его центурион даже не подумал. Он налил себе полный кубок крепкого критского вина, которое предпочитал больше сладкого фалернского, и выпил одним духом. Плавтий Сильван лишь мягко улыбнулся, глядя на Гая Фульвия. Он хорошо разбирался в людях, и понял, какие чувства обуревают в данный момент старого слугаку.

Глава 5. Западня

По Дикой степи катились волны серебристого ковыля. Отряд воительниц издали был похож на караван небольших суден, нагруженных под завязку, настолько высоким было разнотравье степи. Яркое весеннее солнце только-только появилось из-за дальних лесов, и солнечные лучи еще не набрались палящей знойной силы, которая к полудню плавилась голубой небесный купол, превращая его у горизонта в золотистое марево. Несильный ветер приятно ласкал открытые участки тела, и Сагарис наслаждалась умиротворенным покоем, который изливался

---

²⁸ Калиги – солдатская обувь, полусапоги, покрывавшие голени до половины. Она состояла из кожаных чулок и сандалий с ремнями. Толстая подошва сандалий была покрыта шипами. Переплеты ремней часто доходили до колен.

²⁹ Спир – отряд, когорта.

³⁰ Улисс – латинизированная форма греческого имени мифического царя Итаки Одиссея.

³¹ Фалеры – награды римских легионеров. Представляли собой большие и маленькие диски круглой или овальной формы диаметром 4–7 см. Их изготавливали из самых различных материалов (серебра или бронзы, часто позолоченной, драгоценных или полудрагоценных камней и даже из стекла). На фалерах делали всевозможные изображения. Особенно часто встречаются головы Медузы Горгоны, Марса, Минервы, Юпитера, а также головы сфинкса или льва. Фалеры носили на груди. Их полость заполняли смолой и с обратной стороны закрывали медной пластинкой, через которую пропускали проволоку. Особенно храбрые и заслуженные воины имели по несколько фалер, которые выдавали легионерам не по одной, как медали в современных армиях, а целыми наборами из 5, 7, 9 штук.

с небес. Тем не менее на душе у нее кошки скребли. Она потеряла единственную верную подругу, которая старалась держаться от нее подальше. Пасу была обижена на Сагарис до глубины души и не скрывала своей неприязни. И было от чего. Причина их размолвки заключалась, конечно же, в Аме.

Безумная ночь, которую Сагарис провела в объятьях сына Томирис, не прошла даром. Во-первых, Ама наотрез отказался принять участие в празднике богини Язаты, чем разгневал даже собственную мать. Непокорного мужчину, не пожелавшего разделить любовное ложе с не понравившейся ему воительницей, заставить исполнить свой мужской долг было невозможно.

Так иногда случалось, уж неизвестно, по какой причине. В этом вопросе не помогали даже снадобья Фарны. Поэтому царица относилась к подобным выходкам «низших» – именно так воительницы именовали мужчин племени – снисходительно. Казнить непокорных, конечно, можно, но кто их заменит? Благодаря ухищрениям колдуньи воительницы рожали большей частью девочек. Но и без мужчин племя обойтись не могло. Они были «своими». Мужчины при случае сражались наравне с воительницами против врагов, им можно было доверять, в отличие от рабов, способных на предательство и месть.

А во-вторых, Сагарис все же понесла; неожиданное любовное неистовство не прошло даром. К счастью, никто из воительниц не знал о проступке девушки, но от этого ей было не легче. Она не имела права рожать! Иначе ее ждало всеобщее презрение и поражение в правах. И тогда вместо бешеной скачки на своем любимце Атаре в составе поисковой расмы Сагарис ждали кухонные работы наравне с мужчинами. Ведь сыр-иппаку из кобыльего молока разрешалось делать только женщинам, чем-то провинившимся перед Томирис и племенем.

Ама неоднократно пытался договориться о новой тайной встрече, но Сагарис поначалу отвечала суровым отказом, а в последний раз, почему-то взбесившись, едва не снесла ему голову своим боевым топором. Юношу спасли только отменная реакция и быстрота его крепких мускулистых ног. С той поры он замкнулся – да так, что из него невозможно было лишнего слова вытянуть – и старался не попадаться Сагарис на глаза.

Конечно, девушка знала многое о зачатии и деторождении (этими сокровенными сведениями с нею поделилась Пасу, прошедшая специальную подготовку; какие могут быть секреты от подруги?), но то, что она задумала, юным воительницам не преподавали. Однажды, совершенно нечаянно, Сагарис подслушала разговор двух жриц (одна из них была ее мать). Оказывается, старая колдунья Фарна помогает женщинам племени не только рожать детей, но также избавляться от нежеланных последствий тайных встреч с мужчинами. Жрицы гневались, но тронуть Фарну никто не осмеливался. Даже сама царица.

Сагарис решила обратиться к старой колдунье от отчаяния. Она точно знала, что Фарна чужих тайн никому не выдает, но пещера Привидений, где жила бабка Пасу, вызывала страх. Бедное сердечко девушки трепетало, как у загнанной охотницами лани, когда она взбиралась по крутой тропе к ее жилищу. Тропа шла над обрывами и была изрядно протоптана. Фарна явно не страдала отсутствием внимания со стороны воительниц.

– Пришла... – буркнула старуха, мельком глянув на Сагарис. – Давно пора...

Лик Фарны был ужасен. Седые всклооченные волосы ниспадали патлами на ее изрядно поношенное рубище в многочисленных заплатках, на темном морщинистом лице выделялся огромный нос, похожий на орлиный клюв, заскорузлые руки с неестественно длинными пальцами все время находились в движении, будто колдунья ощупывала нечто невидимое, стоявшее перед ней, а в черных бездонных глазах, удивительно живых для весьма преклонного возраста Фарны, горели хищные красные огоньки – словно у расвирепевшей волчицы.

Слова колдуньи смутили девушку. Она ничего не ответила, лишь покаянно опустила голову и положила к ногам Фарны узелок с харчами – плату за предстоящее избавление от плода. Но и это еще было не все. Сунув руку в свою вместительную сумку, Сагарис достала оттуда превосходно выделанное барсучье одеяло. От Пасу она знала, что при всех своих зна-

харских способностях Фарна не могла вылечить себя от болей в суставах, которые мучили ее в холодное время года. А что может быть лучше в таких случаях, нежели барсучьи шкуры, обладающие целительными свойствами?

При виде подношения глаза колдуньи жадно сверкнули; она схватила одеяло своими цепкими пальцами, долго мяла мех, даже дула на него, чтобы убедиться в отличном качестве подшерстка, и наконец сказала:

– Что ж, угодила ты мне, угодила... Теперь я не только избавлю тебя от плода твоей преступной любви, но и погадаю. Я уже вижу, что твоя судьба ох как не проста, но что скажут боги?

С этими словами она подбросила в костер поленьев (очаг колдуньи находился вне пещеры), затем сходила за котелком и снадобьями и долго варила напиток, который издавал противный запах. Остудив его, Фарна налила темную густую жидкость в каменную чашу с какими-то диковинными изображениями на боках и буркнула:

– Испей... До дна!

Сагарис послушно приложила к краю чаши и едва не вскрикнула от неожиданной жгучей боли, которая вливалась в желудок вместе с напитком.

– Терпи! – резко приказала колдунья.

Девушка стерпела. Сжав волю в кулак, она выпила весь напиток без остатка – и едва не потеряла сознание. Колдовская жидкость побежала по жилам, как огонь, и опустилась до самого низа. Обильный пот заструился по всему телу, и спустя короткое время Сагарис стала мокрой, будто только что искупалась в горячем источнике, каких немало было в Громовых горах.

Фарна сидела молча и не без некоторой тревоги наблюдала за реакцией девушки. Ее зелье было ядовитым и опасным для жизни, и она готова была в любой момент дать Сагарис противоядие, которое держала наготове в зеленом стеклянном пузырьке.

Но все обошлось. Крепкий организм девушки выдержал мучительное испытание. Старуха облегченно вздохнула и молвила:

– Все у тебя будет хорошо... А теперь иди за мной. Ничего не бойся и ничему не удивляйся.

Ноги у девушки дрожали и подкашивались; однако она мужественно преодолела временную слабость и послушно поплелась вслед за Фарной в пещеру Привидений. Первым, что ей бросилось в глаза, был легкий голубоватый туман под потолком пещеры, который шевелился как живой. А затем она почуяла странный сладковатый запах. Он начал ощущаться только тогда, когда колдунья прошла в глубь своего обиталища и разожгла небольшой очаг. Водрузив на него медный котелок с какой-то жидкостью, она уселась на низенькую скамейку и начала вдыхать пар, который поднимался над котелком.

Какое-то время в пещере царило полное молчание.

Сагарис ощутила полную расслабленность во всем теле и невольно присела на большой камень неподалеку от очага. Скорее всего, это был жертвенник, но девушка об этом даже не задумалась. В ее голове воцарилась совершенная пустота, в которой время от времени потрескивало, будто там началась гроза и засверкали первые молнии.

Но вот Фарна откинулась назад и заговорила каким-то неестественным голосом:

– Вижу... все вижу! Степь... сражение... много мертвых тел. Воронье! Кружит, опускается все ниже и ниже...

Сагарис невольно подняла голову, будто хотела увидеть ворон прямо в пещере, и от неожиданности вздрогнула. Слова старухи начали превращаться в зрительные образы! Они выплывали из тумана, который забурлил, как море во время шторма, какое-то время жили своей жизнью, а затем исчезали, уступая место новым. Потрясенная девушка уже не вслушивалась в монотонную речь колдуньи, время от времени перемежающуюся резкими вскриками;

она вглядывалась в живые картинки, пытаясь понять, что они изображают и какое имеют к ней отношение.

Но все было таким незнакомым, таким странным, что у Сагарис начала кружиться голова. Много воинов-мужчин в диковинных доспехах, толпы людей, что-то орущих на незнакомом языке, яростные схватки, в которых и она принимала участие... и кровь, всюду кровь! Много крови.

Сагарис не вынесла неистового напора, который излучали движущиеся картинки, и начала терять сознание. Какое-то время она держалась усилием воли, но затем все стало расплываться перед ее глазами и девушка погрузилась в забытие...

Очнулась она снаружи пещеры. Колдунья настойчиво совала ей чашу с каким-то напитком, и Сагарис невольно сделала несколько глотков. Жидкость была приятна на вкус, и девушка жадно прильнула к чаше, ощущая, как с каждым глотком к ней возвращаются силы.

– Вот и хорошо... – Колдунья изобразила на своем страшном лице улыбку, показав Сагарис свои крупные желтые зубы. – Все видения запомнила?

– Не знаю... – выдавила из себя Сагарис. – Много непонятного...

– Ничего. Со временем ты все поймешь. Не нужно сопротивляться воле Язаты. Она на твоей стороне, однако тебе предстоит тяжелые испытания. Но берегись! – В словах колдуньи прозвучала угроза; по крайней мере, так девушке показалось. – Ты нарушила заветы предков, поэтому жизнь твоя всегда будет висеть на волоске. И знай – отныне твоим лучшим другом будет топор. Никогда не выпускай его из рук! Иначе – беда.

Сагарис невольно вздрогнула, вспомнив предупреждение уродливой старухи, и притронулась к рукояти боевого топора, который висел в петле у пояса. А затем оглянулась и придержала своего резвого коня. Задумавшись, она несколько оторвалась от расмы, которую возглавляла Тавас.

Воительницы возвращались из очередного набега на римское поселение у побережья Меотиды. Сагарис могла быть довольна. Она наконец получила заветный трофей – великолепный панцирь, который сняла с убитого ею декуриона³². Схватка получилась нелегкой, но стрелы воительниц, вонзившиеся в щит старого служаки, превратили его в шкуру дикобраза и не дали ему возможности орудовать своей защитой как должно. Сагарис, налетевшая на декуриона, как вихрь, срубила римлянина своим топором, словно трухлявое деревце.

И теперь она красовалась на своем жеребце, блистая фалерами сраженного legionera. Сагарис не стала снимать с панциря награды декуриона – было недосуг. Разведчики расмы донесли, что в степи появился большой отряд римской конницы, которая находилась неподалеку от поселения, поэтому Тавас решила немедленно возвращаться в походный стан воительниц, расположенный в глубокой балке.

Место для временного лагеря было просто превосходным. По дну балки протекал ручей, в котором поили коней, ее склоны поросли деревьями и густым кустарником, поэтому заметить воительниц, расположившихся на отдых, было невозможно. В огонь они бросали только сухой, поэтому дым от костра был прозрачен и почти не виден. Но прежде чем разжечь костер, осторожная Тавас выставляла наверху балки охранение, дабы враги не застали расму врасплох.

Конечно, мелкие отряды скифов и сарматов, а также разбойничьи шайки, состоящие из разного сброда, большой опасности для воительниц не представляли. Да они и сами побаивались связываться с амазонками. Молва об их жестоком обращении с пленными мужчинами бежала впереди расмы, поэтому даже самые бесшабашные разбойники объезжали дев-воительниц десятой дорогой. Чего нельзя было сказать о римлянах, которые все дальше и дальше проникали в Дикую степь. Риму край как нужен был хлеб, и манипулы усиленно искали поселения земледельцев, расположенные на пригодных для зерновых полей землях, чтобы обложить их

---

³² Декурион – в Древнем Риме командовал в составе легиона отрядом конницы от 10 до 30 всадников.

данью. А уж римские легионеры никогда не пасовали перед любыми врагами, сражаясь умело и яростно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.